

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- [Михаил Барро](#)
    -
    - [Предисловие](#)
    - [Глава I. Детство и годы учения](#)
    - [Глава II. Первые опыты](#)
    - [Глава III. Борьба](#)
    - [Глава IV. Последние годы](#)
    - [Источники](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
-

Михаил Барро
Пьер-Жан Беранже. Его жизнь и
литературная деятельность

Биографический очерк М. Барро
С портретом Беранже, гравированным в Лейпциге
Геданом

Предисловие

Благочестивые люди не без трепета читали астрологическое предсказание на 1780 год... 1780 год, говорилось там в обычном стиле, находится под покровительством такой-то планеты; имеющие родиться под этой планетой будут обладать такими-то душевными и телесными качествами; между великими державами будет царить мир или война и прочее, и прочее... Удел невежества в XVIII столетии, эти астрологические предсказания в свое время – весьма отдаленное – имели не только место, но и некоторое основание. Тогда думали, что звезды – души умерших великих полководцев, вообще героев то в той, то в другой области социальной жизни, души добрые и злые. Такое воззрение не могло, конечно, не отразиться на людях, разделявших его. Горела на небе звезда, душа доброго героя, и на душе живых царил кроткий отблеск этой звезды, благодушное и мирное настроение; горела другая, в небе реяли лучи мстительной планеты, и таково же было отражение их, этих лучей на людях... В год рождения знаменитого французского писателя Беранже на социальном небе Франции горели свои влиятельные звезды. Имя одной было Вольтер, имя другой – Руссо. При желании можно было предсказать с большой достоверностью, какие младенцы увидят свет в 1780 году. Беранже родился через два года после смерти Руссо и Вольтера, в дни министерских нововведений Неккера, в самый разгар американской войны за освобождение. Неккер был заместителем Тюрго. Тюрго начертал величественный план самоуправления, он проповедовал коренную экономическую реформу, но эта звезда блеснула недолго. Ее спектр был тем же самым, что у звезд Вольтера и Руссо... Дух критики и творчества на новых началах царил в атмосфере конца восемнадцатого и начала девятнадцатого столетий. Эта энергия, сперва скрытая, находит свое выражение в личности Беранже. «Человек-нация», как прекрасно определил его Ламартин, Беранже жил желаниями этой нации и проводил их в своих произведениях. Наследник Вольтера, он разрушает ветхие здания французской жизни; наследник Руссо, он проповедует постройку новых на основаниях возможно большего блага и возможно равномерного распределения его между всеми представителями человечества. Он был настоящим апостолом любви, как все великие проповедники, в то же время возвышавшийся до убийственного сарказма... Не в одной только Франции гремело эхо его песен, и если теперь оно потеряло в этой стране характер откровения, – то

оно гремит с не меньшею силою для других. Беранже немало влиял у нас на общественные течения тридцатых, сороковых и даже шестидесятых годов. Граф Нулин ездил по России не только «с запасом фраков и жилетов, шляп, вееров, плащей, корсетов», в его багаже находилось еще кое-что другое. Он ездил, по словам Пушкина,

С ужасной книжкою Гизота,
С тетрадью злых карикатур,
С романом новым Вальтер-Скотта,
С bons-mots парижского двора,
С последней песней Беранжера...

Граф Нулин – не помним, есть ли на это указания – несомненно тот же Онегин, а этот последний, как известно, в значительной степени сам Пушкин... Очевидно, багаж самого писателя не лишен был контрабанды, вроде «последней песни Беранжера», и весьма вероятно, что либеральные веяния в пушкинской поэзии были отчасти русским эхом Беранже.

Глава I. Детство и годы учения

Предки Беранже. – Беранже де Фермантель и его сын Жан-Франсуа. – Внук Фермантеля. – Жанна Шампи. – Рождение Беранже-поэта. – Первые годы в Бургундии. – Пьер Шампи. – Школа Ваперо. – Беранже в пансионе аббата Шантеро. – 1789 год. – Детские впечатления Беранже. – Беранже в Перонне. – Вдова Тюрбо. – Начало правильного воспитания. – Зачатки патриотического чувства. – Беранже обучается мастерству. – Биллю де Белланглиз и его школы. – Приезд Беранже-отца. – Беранже в типографии Пенэ. – Первые вдохновения.

Почти все представители фамилии Беранже считали себя потомками довольно древнего аристократического рода. Это было семейное помешательство, мания величия, поражавшая главным образом мужское поколение Беранже. Бедные люди, – ремесленники, мелкие торговцы и содержатели трактиров, – они то и дело возвращались к мысли о своем мнимом или действительном благородстве. Они мечтали, что настанет день, когда их аристократическое происхождение будет признано законным порядком. Весьма вероятно, что вследствие этих семейных преданий и надежд Беранже отличались склонностью к мечтательности и пафосу, не лишенному значительной доли благородства. Их мечтаниям не суждено было сбыться, но нельзя не допустить, что эта неиссякающая жажда возвыситься над другими, переходя из рода в род, получила свое выражение в лице аристократа мысли, поэта Беранже...

В начале XVIII века мания аристократизма у членов фамилии Беранже проявляется с особенной яркостью. Один из них, прадед поэта, покинул в это время Францию и поселился в Англии. Во Франции у него были дети от первой жены. Станный отъезд его на чужбину можно объяснить поэтому только внезапным взрывом аристократических тенденций, стремлением начать новую жизнь, в новом звании. И действительно, в Англии этот сумасброд вступил во второй брак и стал называть себя Беранже де Фермантелем. Покинутый отцом сын этого Беранже де Фермантеля от первого брака, Жан-Людовик, в 1749 году, 29 лет от роду, женился на Марии Левассер, дочери подмастерья-пивовара, и поселился в местечке Фламикуре близ Перонны, в провинции Пикардия. Он открыл там винный погреб, но торговлею не занимался, предоставив заботы о ней своей жене. Подобно своему отцу, он считал себя дворянином и проводил время в

размышлениях и рассказах о своем благородстве да в неумеренном потреблении вина. «Мой муж, – говорила раздосадованная этим Мария Левассер, – никогда не ударял палец о палец. Он только и делал, что напивался вином из своего кабака, как настоящий дворянин-помещик...» Жан Беранже умер в 1763 году, оставив вдову с шестерыми детьми. Старший из них назывался Жан-Франсуа. Он получил кое-какое образование, довольно хорошо писал и притом в фамильном напыщенном тоне. Жизнь он вел беспорядочную, не по средствам и постоянно влезал в долги. Несмотря на неуменье вести свои дела, Жан отличался недюжинными финансовыми способностями. До 1773 года он исполнял обязанность писца у нотариуса в Перонне, а в следующем году поселился в Париже и занял там место бухгалтера у бакалейного торговца на улице Монторгейль. Здесь, в серенькой обстановке, перебиваясь со дня на день и все-таки не покидая надежды вырваться на более широкую дорогу, Жан познакомился с одним из тех милых, живых и вечно веселых созданий, к которым так легко привязывается сердце бедняка. Это была Жанна Шампи. Сидя за своими счетами, Жан каждое утро видел, как она проходила мимо в модный магазин, где занималась шитьем. Знакомство между ними завязалось быстро, и немного спустя Беранже стал женихом, а вскоре затем и мужем Жанны Шампи. Ей было девятнадцать лет, ему около тридцати. Отец невесты, портной по профессии, имел еще других детей, он с удовольствием принял поэтому предложение Беранже и дал за дочь приличное приданое. Семейное счастье молодой четы было, однако, непродолжительным. Между супругами очень быстро установились самые холодные отношения. При безалаберности обоих начались материальные затруднения. В первые же два-три месяца после свадьбы Беранже прожили все, что получили в приданое, и наделали долгов. Уплатить эти долги они были не в состоянии. Оставалось одно спасение: жене вернуться к родителям, мужу – бежать из Парижа... Спасаясь от кредиторов и тюрьмы, Беранже направился в Бельгию, а потом, может быть, под давлением новых денежных обязательств, перебрался в Голландию. История его похождения на чужбине почти слово в слово повторяет историю его деда Беранже де Фермантеля. Местом жительства в Бельгии он избрал столицу. Свою жизнь в этом городе он начал прежде всего с перемены фамилии и стал называться Беранже де Мерсисом. Не довольствуясь этим, терпя страшную нужду, полуголодный фанатик аристократизма, он занялся составлением подробной генеалогии своего рода, причем вел свое происхождение по прямой линии от жившего в XV веке флорентийского дворянина Джованни Беранжери... Подлинная ли или вымышленная, эта генеалогия была

составлена. Ничто не было забыто в ней из того, что требуется в таких случаях: ни хронологические, ни биографические данные, ни гербы. Одно обстоятельство не благоприятствовало этой родословной: Франция быстро приближалась к роковому 89-му году... Покинутая мужем на шестом месяце брачной жизни Жанна Шампи вернулась под родительский кров и 19 августа 1780 года родила сына. Роды были тяжелые и окончились благополучно лишь при помощи акушерских щипцов. Ребенок был слабый, все боялись, что он не выживет, и решили крестить на следующий день. Крестным отцом был его дед, Пьер Шампи, крестною матерью – прабабушка, вдова портного, Мария Дюпре. Новорожденному дали имя Пьера-Жана, в церковных книгах перед его фамилией была поставлена частица *де*. Этот новый представитель фамилии Беранже был знаменитый впоследствии поэт и гражданин, которому посвящается этот очерк.

Тяжкое состояние матери не позволяло ей кормить ребенка, нанять кормилицу в городе не позволяли средства, а потому пришлось прибегнуть к более дешевому средству – отдать младенца в деревню. Надежда на укрепление его здоровья могла быть другим мотивом этого решения.

Название деревни, куда Беранже был помещен в качестве питомца, неизвестно; известно лишь, что она лежала вблизи Оссера, в Бургундии. «Я почти бургундец», – говорил впоследствии Беранже, будучи уже стариком. Он любил вспоминать в ту пору ранние годы своей жизни и хорошо помнил мужа кормилицы. Его тоже называли Жаном. Он часто брал ребенка на руки, кормил его хлебом, смоченным в вине, и даже поил этим вином из большого железного кубка. Припоминал еще Беранже двенадцатилетнюю девочку. Она присматривала за ним на улице и дома, но сама кормилица не давалась его воображению. Объясняется это очень просто: она с первых же дней, как взяла питомца, лишилась молока. Виновником этого обстоятельства и сам Беранже в своей песне «Кормилица», и его биографы называют францисканского монаха, – история несколько фривольного оттенка, но не вполне достоверная. Как бы там ни было; лишенный молока и довольствуясь его суррогатами – вином и хлебом, – Беранже пробыл в деревне около пяти лет. Его содержание оплачивалось дедом Шампи, но весьма неаккуратно. Часто целый год из Парижа не присылали ничего. Несмотря на это, когда настал час разлуки, бедные бургундцы и девочка-нянька обливались слезами, как будто у них отнимали их собственного ребенка. Муж и жена даже поссорились из-за того, кому отвозить Беранже. Наконец, за это взялся муж. Сдав ребенка и прощаясь с ним в Париже, он сам ревел, как ребенок, и ни за что не хотел брать причитавшихся ему денег. «Как будто я продаю его», – говорил он

сквозь слезы, и его насилу успокоили.

В Париже Беранже до девяти лет оставался на попечении в доме своего деда и крестного отца Пьера Шампи. Шампи был чрезвычайно строг в семейной жизни, но для внука его нежность не знала пределов. Его собственные дети, дяди и тетки Беранже, сделались покорнейшими слугами своего племянника, «господина внука». Все его капризы считались законом. Молчаливый, с красивыми голубыми глазами, болезненный и слабый, он часто страдал мигренями и другими недугами. Весь дом переворачивался в таких случаях вверх дном. Оба Шампи, муж и жена, наперерыв уговаривали внука принять какое-нибудь лекарство и, чтобы сломить его нежелание, сулили ему всякие удовольствия. Раздосадованные этим упрямством тетки и дяди говорили, что «господин внук» капризничает и требует внушения по некоторым частям тела. «Как бы не так, – отвечал на это добряк Шампи, – этот ребенок не то, что другие, с ним надо обращаться иначе...» Были ли эти слова результатом веры в аристократическое происхождение Беранже или предчувствия, по некоторым данным, выдающихся способностей ребенка, – неизвестно... Если дело не касалось лекарства, Беранже был самым тихим ребенком. Он по целым часам просиживал в углу, не подавая голоса, и либо вырезал что-нибудь из бумаги, либо рисовал, конечно, по мере сил и разумения, а то делал корзинки из вишневых косточек. Приготовлению этих корзинок он посвящал целые дни, искусно вынимая из косточек их содержимое и покрывая скорлупу различными узорами.

Как раз против дома, где жили Шампи, только перейти улицу, в глухом переулке Делябутейль, находилась школа старика учителя Вапро. Он преподавал по системе шевалье Павле (Pawlet). Трагик Тальма и комик Брюне были его учениками. Тем не менее школа была грязна и очень плохо обставлена. Несколько столов и деревянных скамеек трактирного типа, недостаток воздуха и света не могли расположить к этой школе питомца деревни Беранже. Посещение школы, куда отдал его Шампи, было для него хуже самого худого лекарства. Он под всяким предлогом уклонялся от этого. Ему стоило только заикнуться, например, о головной боли, как Шампи сейчас же запрещал ему идти к Вапро. Таким образом, у последователя Павле мальчик Беранже был не более двадцати раз.

Шампи были люди небогатые, но трудолюбивые. Кое-какой запас на черный день позволял им разрешать себе небольшие отдыхи. В праздники или вечером в будни, если окрестные петиметры не заваливали их заказами, они занимались чтением и читали вслух, сопровождая прочитанное различными комментариями. Любимыми их писателями были

Прево, автор романа «Манон Леско», Рейналь и Вольтер, в особенности последний. Новые веяния захватывали уже и ремесленную среду... Так сказал «господин» Вольтер, так думает «господин» Вольтер и целые цитаты из сочинений этого писателя можно было слышать каждый день в помещении Шампи. Вольтер был для них домашним философом, хотя они понимали его в значительной степени по-своему и часто вопреки самому автору. Весьма вероятно, что этот важный господин, на которого постоянно ссылались воспитатели Беранже, производил немалое впечатление на ум ребенка. Он с большим вниманием следил за чтением старших и потом, под живым впечатлением от слышанного, с не меньшей охотой разбирал под руководством деда «Генриаду» все того же Вольтера и «Освобожденный Иерусалим» Тассо в переводе Мирабо. Надо сказать, однако, что это чтение было совсем особенного сорта. Беранже читал глазами, как по нотам, т. е. просто заучивал слова с голоса деда и приурочивал их к печатному тексту, добросовестно следя за указательным перстом своего наставника. Он кончил этот курс, заучив наизусть всю «Генриаду» и почти весь «Освобожденный Иерусалим», но всякая другая книга была для него совершенно непостижима.

Со своей матерью Беранже виделся очень редко. Она жила отдельно, на улице Нотр-Дам-де-Назарет и по-прежнему занималась шитьем. К Шампи она приходила обыкновенно по праздникам, забирала сына и водила его либо в театры на бульваре Дютампль, либо куда-нибудь за город, в Романвиль, Баньоле и Венсенн. Дело шло не столько об удовольствии для ребенка, сколько о ее собственном.

Что касается Беранже-отца, то в 1781 году мы его опять встречаем на французской территории. Он управляет в это время имениями графини Эстиссак в Дюртале и состоит поверенным соборного прихода в Анжере. В 1786 или 1787 году он появляется в Париже. Между ним и его женою временно устанавливаются в эту пору более близкие отношения. В 1787 году у них родилась дочь София, – впоследствии сестра Мария в монастыре Des Oiseaux. Как и первенец Беранже, она была отдана на воспитание в деревню. Подарив свету другого ребенка, Беранже-отец снова скрывается в провинции, ничем не обнаруживая своих родительских чувств и обязанностей до 1789 года. В этот знаменитый в истории Франции год он снова заглядывает в Париж по делам своих доверителей. Результатом этого приезда было помещение будущего поэта в пансион аббата Шантеро, на улице Буле. Пансион находился в самой высокой части Сент-Антуанского предместья: с крыши пансиона вместе с другими учениками Беранже видел взятие Бастилии. Это было 14 июля 1789 года. После долгих проливных

дождей наступила великолепная погода. Точно такая же погода была в сороковую годовщину этого события в 1829 году. Беранже сидел тогда в тюрьме Лафорс. «Для узника нет краше и милей воспоминанья об этом дне, – говорит он в песне „Четырнадцатое июля“, – я был совсем дитя, кругом меня кричали: „Отомстим, в Бастилию, к оружию, скорей к оружию!“ и все бежали на этот зов: купцы, буржуа, мастеровые...» В той же песне «Четырнадцатое июля» Беранже вспоминает, что какой-то старик, вероятно, Шампи, водил его на развалины Бастилии и говорил ему о причинах народного гнева... Этот урок крепко врезался, конечно, в память девятилетнего слушателя и читателя Вольтера.

Совсем иначе было с уроками у Шантеро. Взятие Бастилии и вести о других признаках надвигающейся грозы причиняли аббату немало труда в деле водворения дисциплины среди его пансионеров. В дортуарах и во время рекреаций маленькие языки усердно болтали с голоса старших о наступлении анархии и, вероятно, немало радовались этому наступлению, твердо веря, что вместе с другими дисциплинами должна рушиться также и школьная. Возвращение из праздничного отпуска каждый раз приносило в стены заведения новую пищу для подобных разговоров. Администрация и педагоги пансиона заметно теряли голову. О новичке Беранже они забыли почти совсем и вовсе не думали о приобщении его к обильному яствами столу науки. По крайней мере, так можно заключить из слов самого Беранже. «Это была единственная наука, которую я вынес из пансиона, так как не помню, чтобы мне задавали уроки чтения или письма», – так говорит он по поводу виденного им взятия Бастилии, и нет никакого основания думать, что он забыл о плодах науки, если бы его действительно угощали этими плодами.

В числе питомцев аббата Шантеро находился внук Фавара, основателя Комической оперы и автора наделавших шуму пьес «Аннета и Любен», «Искательница духа» и «Три султанши». Восемидесятилетний поэт часто посещал своего внука. Это был один из великовозрастных учеников, пользовавшийся благодаря деду некоторыми привилегиями. Ему принадлежал угол пансионского сада с беседкой из вьющихся растений. В этой беседке происходили обыкновенно свидания Фавара с его внуком, и Беранже никогда не упускал случая взглянуть сквозь сетку настурций и душистого горошка на восьмидесяти летнего старца. Причиной этого любопытства были пансионские толки о заслугах Фавара и, наконец, то почтение к литераторам, которое воспитали в Беранже его дед и бабка Шампи.

Вообще, у Шантеро находилось немало свежих отпрысков различных

парижских знаменитостей. Таковы были, между прочим, сыновья Граммона, актера-трагика из Французского театра. Самый младший из них был товарищем и другом Беранже. Оба отличались спокойным и тихим характером, оба любили уединение и мечтательную лень. В этой дружбе со стороны Беранже была еще значительная доля преклонения перед его юным товарищем. Дело в том, что, еще сидя на школьной скамье, Граммон уже выступал на сцене. Он часто повторял в пансионе свою роль, причем у Беранже захватывало дух от восторга.

Совсем другие чувства внушал ему старший брат Граммона. Беранже попал в пансион благодаря хлопотам своей дальней родственницы, старой знакомой аббата. Эта протекция была для него причиной различных поблажек со стороны начальства в виде частых освобождений от классных занятий в случае головной боли и в то же время причиной зависти его сверстников и больше всего Граммона-старшего. Благонравные ученики получали у Шантеро различные поощрительные награды для большей важности, в довольно торжественной обстановке. И вот в один из таких торжественных дней на Беранже обрушилась ненависть Граммона. «При раздаче наград, – говорит поэт в своей автобиографии, – на которые я не имел ни малейшего притязания и на которые смотрел без сожаления, когда они раздавались товарищам моложе меня, я имел ни с чем не сравнимое несчастье быть награжденным знаком отличия за хорошее поведение, этим обыкновенным уделом ослов всякого училища. Впрочем, говоря откровенно, я имел на него некоторое право, потому что не был ни игроком, ни крикуном, ни упрямым. Несмотря на это, ученики не упустили такого благоприятного случая покричать: „Ура, осел!“ – в то время, когда начальство украшало меня несносным крестом. Если при этом я почувствовал гордость, то она была непродолжительна. В тот же самый день на дворе, во время рекреации, собрались ученики всех возрастов, которых родители еще не взяли на вакации; я стоял у решетки на улице и смотрел на торговцев пирожками и яблоками, этих искусителей тощего кошелька всех учеников. Маленькие суммы, которые родители давали своим детям под названием недельных, очень скоро переходили в руки торговцев такого лакомого товара. Увы! Я был осужден на одно только удовольствие рассматривать их, потому что у меня не было недельных. Огромное румяное яблоко исключительно возбуждало мой аппетит. Я пожирал его моими детскими глазами, когда грубый голос закричал мне на ухо: „Возьми яблоко, возьми! Или я дам тебе затрещину!..“ Это был не змей-искуситель, это был ужасный Граммон. Его железная рука прижала меня к решетке. Что происходило тогда в моей невинной душе? Я не

осмеливался, но страх, присоединившись к желанию иметь яблоко, восторжествовал до такой степени, что, уступая наконец настоящему требованию моего врага, я протянул трепещущую руку и схватил роковое яблоко...» Этого и ждал Граммон. Он взял Беранже за шиворот и потащил к начальству. Крест был снят с кавалера, обливавшегося слезами, но торжество Граммона продолжалось недолго: начальство не замедлило открыть его жестокую проделку. Вообще, жестокость была в характере старшего Граммона, он походил в этом отношении на своего отца. В 1793 году они оба стояли во главе революционного отряда, наводившего ужас на западные департаменты Франции. Их кровавые подвиги обратили на себя внимание комитета общественной безопасности, который приказал, в пример другим, казнить обоих Граммонов. В обозе своего отряда они постоянно возили гильотину и на ней же сложили свои головы.

Пока Беранже подбирал у Шантеро кое-какие крохи от стола науки, революционная драма продолжала свое развитие. Был октябрь 1789 года. Господин Omnes (все), как говорил о народе Лютер, многотысячную толпою, в хвосте которой на спасение короля шел Лафайет с национальной гвардией, едва не разгромил Сен-Клу и перерезал часть королевской стражи. 6-го или 7 октября, по случаю праздника, Беранже был отпущен домой. Он переходил улицу с одной из своих теток и вдруг очутился в толпе женщин и мужчин, настоящих фурий народного гнева. Они несли на пиках окровавленные головы убитых в Сен-Клу гвардейцев. Это зрелище так поразило Беранже, что он всю жизнь не мог забыть этой встречи, и всякий раз, при мысли о ней, в его воображении восставала одна из окровавленных голов... Дальнейшие ужасы надвигавшегося террора ему не пришлось увидеть. Казнь короля и королевы, кровавая расправа с их действительными и мнимыми сторонниками, наконец, с теми, кто оказывался других убеждений, – все это произошло, когда Беранже не было уже в Париже. Он был обязан этим своему отцу, все затеи которого постоянно оказывались несостоятельными. Временный наплыв денег сейчас же толкал его на какое-нибудь предприятие, но дело не доводилось до конца, потому что те же деньги быстро растрчивались на другие затеи. То же самое случилось и с учебой Беранже в пансионе Шантеро.

Как ни мала была там плата благодаря протекции родственницы, она вскоре оказалась не по силам отцу будущего поэта, и в первых числах 1790 года Беранже покинул пансион. Сдать его на попечение Шампи на этот раз не пришлось. Его не было в Париже. Разбитый параличом, он удалился в Самуа и там кое-как существовал на свои сбережения вместе с женой. О поручении ребенка заботам матери нечего было и говорить. Она сама

нуждалась и влачила жалкое существование. Но Беранже-отец раздумывал недолго. Он снарядил сына в дорогу, сдал его на руки престарелой кузине, этой последней вручил письмо для передачи по адресу и затем усадил обоих в дилижанс, отходивший в Перонну. В Перонне жила тетка будущего поэта, Мария-Виктория Беранже, по мужу Тюрбо. Тридцати пяти лет от роду, она вдовела с января 1788 года и, как при муже, содержала в одном из предместий Перонны гостиницу под вывеской «Королевская шпага». К ней-то и был направлен десятилетний Беранже. Неожиданный приезд племянника поверг ее в величайшее смущение. Хотя отец Беранже уверял ее в своем письме, что ребенок может оказать ей помощь в хозяйстве, она все-таки решительно отказалась принять племянника, но потом, увидев смущенную этим решением фигуру ребенка, сейчас же переменяла свое намерение. Она обласкала своего малолетнего родственника и тут же обещала заменить ему мать. «Она никогда не была матерью и все-таки оставила детей, которые оплакивают ее». Так гласила впоследствии эпитафия на могиле этой женщины. Она сама продиктовала эту надпись, и, действительно, среди льстивых произведений подобного рода, если они не саркастические, эта надпись одна из немногих вполне правдивых. Поселившись в Перонне, Беранже впервые почувствовал, что такое разумная и заботливая любовь.

По какой-то странной игре природы, почти все женщины из фамилии Беранже отличались здравостью понятий и преданностью своему делу. Напротив, почти все мужчины были безалаберные люди, мечтатели, претенденты на дворянское звание, слабые волей, почти сумасшедшие. Вдова Тюрбо была лучшей представительницей женской ветви своего рода. Она отличалась выдающимся, можно сказать, возвышенным умом. Воспитание от родителей она получила скудное, как говорится, на медные деньги: читать, писать и сводить немудрые счета. Она сама пополнила впоследствии недостатки своего образования избранным чтением лучших французских писателей. Встретив ее где-нибудь в другом месте, не под вывеской «Королевской шпаги», никто не признал бы в ней содержательницу гостиницы довольно невысокого разбора. Все великое увлекало ее живейшим образом, ее умственный горизонт простирался далеко за пределами Перонны. На закате своих дней, восьмидесятилетняя старуха, она с неиссякающим интересом следила за новыми открытиями и за развитием промышленности. Она была религиозна без всякой примеси нетерпимости и притом глубоко гуманна. Молодая Французская республика нашла в ней искреннюю и горячую сторонницу.

Под руководством этой женщины Беранже научился, наконец, читать.

Он читал вместе с нею «Телемака», произведения Расина и Вольтера. Комментарии тетки и к тому, и к другому, и к третьему удваивали значение этих занятий. Письму и арифметике Беранже обучался у соседа вдовы Тюрбо. Он был когда-то учителем, но познаниями не блистал, и потому правописание и арифметика очень долго были слабым местом Беранже. Ограниченные средства содержательницы «Королевской шпаги» не позволяли ей дать племяннику более совершенное образование, к тому же в это самое время в Перонне прекратило свое существование единственное училище. Недостаток в деньгах помешал также усовершенствованию Беранже в рисовании. Он обнаруживал любовь к этому искусству еще в Париже, у Шампи, и в десять лет был недурным рисовальщиком.

В умственном отношении он развивался в эту пору чрезвычайно быстро. Все, что он молчаливо наблюдал до сих пор, теперь как бы кристаллизировалось в нем, принимало определенные, ясные формы. Немного времени спустя по приезде в Перонну он сделался постоянным советником тетки в затруднительных случаях. Что касается нравственного воспитания его, – оно шло параллельно с умственным, и также под влиянием тетки. Она старалась развить в племяннике сострадание к несчастным и чувство справедливости. Когда во время террора некоторые из ее знакомых по ложному доносу были схвачены и посажены в пероннскую тюрьму, вдова Тюрбо водила к ним племянника, чтобы «показать, говорила она, каким преследованиям подвергается добродетель во время политических смут». В одном терпела она неудачу – в своем желании развить у Беранже религиозное чувство. Без сомнения, он был религиозен, как ребенок, но без всякого интереса к обрядам. Каждый праздник, пока были открыты церкви, тетка обязательно посылала его туда и даже пристроила певчим у знакомого священника. Для этого надо было заучить несколько латинских фраз, но Беранже никак не мог запомнить их, хотя обладал прекрасною памятью. Даже исповедуя и причащая его в первый раз, священник, вопреки церковным постановлениям, принужден был разрешить ему прочесть молитвы по-французски. Певческие обязанности и услуги в алтаре Беранже исполнял неважно. Он путал ответы на возгласы или искажал их так, как только мог это сделать ребенок, не знавший латыни. С той же «ловкостью» подавал он священнику сосуды и весьма неумело расходовал вино. Это окончательно взбесило священника во время одной мессы. «Он дал мне, – рассказывает Беранже, – такой эпитет, в котором не было ровно ничего священного, окончил наскоро обедню, ушел в ризницу и поклялся, что с нынешнего дня лишает меня чести прислуживать в алтаре». Это обстоятельство совсем не опечалило

Беранже. Его занимали и всецело поглощали совсем другие мысли. Вокруг него, не исключая посетителей «Королевской шпаги», все говорили о борьбе Франции с войсками союзников. В шести лье от Перонны англичане и австрийцы осаждали Валансьен. Гул канонады доносился по вечерам до гостиницы вдовы Тюрбо, и, сидя на пороге, Беранже с трепетом прислушивался к этим ударам. Он знал, что эти удары должны сокрушить неокрепшее здание обновленной Франции, если восторжествуют ее противники. Генерал Бонапарт осаждал в это время Тулон, пытаясь возвратить его отчизне, и когда пушечная пальба возвестила жителям Перонны, что Тулон опять принадлежит французам, Беранже не помнил себя от радости. Он был в эту минуту на городском валу. При каждом выстреле мальчик не мог от восторга стоять на ногах и садился на землю, чтобы прийти в себя.

Как рассчитывал его отец, Беранже действительно оказывал некоторую помощь своей тетке по делам гостиницы. Он прислуживал посетителям, подавал им кушанья и напитки и присматривал на конюшне за лошадьми. Роль трактирного полового, однако, никак не соответствовала созерцательной натуре Беранже. Будущий поэт с увлечением слушал политические толки посетителей, а также их песни, полные остроумия и наблюдательности. Он быстро запоминал и мотивы, и слова этих песен, потом напевал их на досуге и, вероятно, чувствовал уже влечение к этому роду поэзии. Его маленькая гордость немало страдала от всего остального. Тетка скоро заметила это и решила приискать для племянника более подходящее занятие. Она хотела отдать его к часовщику: у него было острое зрение и большая ловкость в исполнении кропотливых работ. Но в мае 1792 года этот план пришлось оставить.

В один из дней этого месяца Беранже стоял на пороге гостиницы и любовался приближавшейся грозой. Его тетка ходила по комнатам и, читая молитвы, кропила стены святою водой, чтобы предохранить себя от грозы. Как вдруг удар молнии поблизости свалил Беранже на землю. Он лежал, как мертвый, когда к нему подбежала тетка. Молния наделала в доме немало повреждений, но вдова Тюрбо, не заботясь о доме, хлопотала около племянника. Она вынесла его на улицу, под дождь и, не видя в нем признаков жизни, решила, что он умер. Беранже слышал, как она вскрикивала: «Он умер, умер!» – но долго не мог сделать ни малейшего движения. Наконец, придя в себя, мальчик с улыбкою заметил обрадованной тетке: «А святая-то вода не помогла!» Он недаром слушал и читал Вольтера. Беранже не скоро оправился после удара молнии и навсегда сделался близоруким. Вот почему не могло быть исполнено

намерение отдать его к часовщику. Тетка поместила его у золотых дел мастера. Но этот мастер на самом деле приготавливал лишь медные вещи и притом в ограниченном размере. Он располагал поэтому весьма большим досугом и убивал время рассказами о своих любовных похождениях. Беранже был взят от этого мастера и сделался рассыльным у бывшего нотариуса, а потом мирового судьи Баллю де Белланглиза. Вдова Тюрбо была хорошо известна этому почтенному человеку. Он высоко ценил ее ум и принял живейшее участие в судьбе Беранже.

Баллю де Белланглиз был страстным поклонником Жан-Жака Руссо и в такой же степени «партизаном революции». Он осуждал крайности некоторых представителей нового режима и никогда не упускал случая напомнить имеющим власть о бесчеловечности смертной казни. Но, призывая к любви и терпимости, он отлично понимал в то же время, что именно недостаток и той и другой в прошедшем был причиной крайностей революции в настоящем. Он, без сомнения, думал о свирепствовавшей черни то же, что высказал впоследствии Беранже в своей песне «Бродяга»:

Отчего меня вы не учили!
Не дали исхода дикой силе:
Вышел бы из червя муравей.
Я бы умер, братьев обнимая...
А бродягой старым умирая,
Призываю мщенье на людей...

Эти призывы мщенья и были причиной крайностей революции...

Баллю де Белланглиз был одним из членов Законодательного собрания. Закончив исполнять там свои обязанности, он опять вернулся в Перонну и основал здесь бесплатные начальные школы по системе Руссо. Им руководило желание *создать* граждан для нового порядка вещей, людей, которые с малолетства привыкали бы к самоуправлению. В школах Баллю де Белланглиза заботы о дисциплине лежали на самих учениках. Они избирали из своей среды судей, мэра и других должностных лиц, а все вместе составляли армию из стрелков, гренадеров и артиллеристов под начальством выборного предводителя. У этих воинов, – самому старшему едва исполнилось пятнадцать, – имелись пики и сабли и даже небольшая пушка. «Если у нас не было ружей, – говорит Беранже, – так их едва хватало для двенадцати армий, защищавших республику». Во время церемоний, какие случались в Перонне, школьные батальоны Баллю де

Белланглиза также принимали участие и занимали специальные места. Для обсуждения своих дел они имели особый клуб, и когда происходили заседания этого клуба, целые толпы пероннцев прибегали смотреть на малолетних «граждан». Старшиной клуба всегда выбирали Беранже. Он же был автором речей и адресов, которыми школьники приветствовали членов Конвента, когда те заглядывали в Перонну.

Прекрасный замысел Баллю де Белланглиза имел свои слабые стороны. Питомцы бесплатных школ этого последователя Жан-Жака Руссо могли вырасти в отличных граждан-патриотов, но жестоко «хромали» в правописании и грамматике. Они с восторгом – и Беранже восторженнее всех – распевали республиканские песни, но решительно не хотели внимать наставлениям патера, преподавателя грамматики. Патер был в это время не у дел, церкви были закрыты, и Баллю де Белланглиз, для которого существовали только люди, но не было ни патеров, ни атеистов, приютил у себя полуголодного служителя алтаря.

Первое известие о своем отце Беранже получил в 1793 году, почти через три года после приезда в Перонну. Известие было стороннее, от одной из теток. Сам Беранже де Мерсис хранил молчание. Он служил управляющим в Бретани, в имении графа де Бурмона, принял участие в заговоре федералистов и в числе тридцати двух вандейцев сидел в тюрьме в ожидании процесса. Таково и было известие о нем, полученное в Перонне. Он просидел в тюрьме с декабря 1793-го по сентябрь 1794 года. Вдова Тюрбо вступила в это время во второй брак, сделавшись женою некоего Буве, чрезвычайно умного и в такой же степени взбалмошного человека. Беранже отговаривал тетку от этого шага, и она часто вспоминала об этом, сожалея, что не послушалась своего малолетнего советника.

В 1795 году отец Беранже приехал в Перонну. Это был медовый месяц республиканских школ Баллю де Белланглиза. Влекомый любопытством Беранже де Мерсис посетил школьный клуб и, несмотря на свои аристократические замашки, немало восхищался умом старшины этого клуба, своего собственного сына. Его родительское самолюбие было удовлетворено, но то, что говорилось в клубе, приводило его в величайшее негодование. Он нашел, что его сын заражен якобинизмом. Для этого человека слова «республиканец» и «якобинец» были синонимами; «искренний роялист», как он называл себя, хотел, чтобы его дети пошли по той же дороге. Он выговаривал также своей сестре, как могла она позволить племяннику исповедоваться у священника, присягнувшего республике. Ему не было никакого дела до религии и до церкви, но алтарь и трон, говорил он, должны защищаться аристократами. Во имя этого он

сидел в тюрьме и готов взойти на эшафот, сын должен следовать его примеру. Он верил, что республика не просуществует и шести месяцев, что Бурбоны опять возвратятся на трон своих отцов, и когда это совершится, он представит им своего сына. «Смотрите, – сказала на это его сестра, – не пропел бы он им „Марсельезу“...» Вдова Тюрбо не пускала слов на ветер, и потому можно сделать заключение, что в пятнадцать лет ее племянник был ярым, хотя и юным республиканцем.

Начертав программу желательного для него воспитания сына и на том покончив, Беранже де Мерсис покинул Перонну. Вскоре после его отъезда Баллю де Белланглизу пришлось закрыть свои школы. Он не разуверился в своем плане, но враги всякой новой идеи – в них не было недостатка и в Перонне – сумели добиться закрытия его школ. Беранже опять оказался в стороне от науки. Оставалось приняться за какое-нибудь ремесло, так как будущему поэту шел в это время шестнадцатый год. Благодаря поддержке того же Баллю де Белланглиза некто Ленэ, как раз в эту пору, открыл в Перонне типографию. Он набирал служащих и рабочих для своего заведения и, по рекомендации Белланглиза, принял к себе Беранже. Беранже занял у него место наборщика, но был по-прежнему очень слаб в орфографии, а потому исполнял свои обязанности с большим трудом и очень малым успехом. Ближайшим его начальником был рабочий Болье, добрый человек, неглупый, большой весельчак и немножко композитор; а сын Ленэ – учителем грамматики. Ленэ был немножко старше своего ученика, настолько же, вероятно, он превосходил его и в орфографии. По крайней мере, Беранже не в Перонне совладал с правилами французской грамматики. Но Ленэ он обязан первым знакомством с версификацией. Что касается стихов, то, каковы бы они ни были поначалу, Беранже начал писать их очень рано. Первый толчок в этом направлении был дан ему у Шампи, когда он заучивал наизусть «Генриаду». Потом встреча с Фаваром, опять Вольтер и Расин под кровлей «Королевской шпаги» и песни посетителей этой гостиницы, – все это могло развить и укрепить в нем склонность к размеренной речи. Еще совсем ребенком он заметил, что в стихах все строчки почти равной длины; в этом, казалось ему, заключался весь секрет. Он брал лист бумаги, проводил на нем карандашом две вертикальные линии и в промежутке между ними писал стихи, говоря иначе, строчки равной длины, от одной вертикальной линии до другой. Как и большинство юношей, сын Ленэ был немного поэтом. «Я превзошел тебя, – говорит о нем Беранже, – не возбуждив в тебе зависти...»

Было бы несправедливо думать, что Ленэ зародил в Беранже стремление к стихотворству. Он только помогал ему в улучшении техники,

кое-какие правила которой будущий поэт усвоил еще раньше. Вскоре по приезду в Перонну десятилетний мальчик Беранже читал однажды Расинову «Федру». Издание было плохим, с массой опечаток. Он читал под руководством Буве, в то время только знакомого вдовы Тюрбо. В рассказе Терамены оба чтеца попали на две строчки, где слово *expiré* (бездыханный) в одной из них рифмовалось с таким же словом в другой. Оба сейчас же почувствовали неблагозвучность рифмы и, высчитывая стопы, стали искать наилучшую. Беранже первый догадался, что следует читать *défiguré* (обезображенный), как действительно было написано у Расина.

В пятнадцать лет Беранже считался уже поэтом среди своих подруг и друзей. К нему обращались с просьбами написать стихи на тот или другой случай, и он писал то шуточные, то полные вздохов начинающего формироваться мужчины. В 1796 году он покинул Перонну.

Глава II. Первые опыты

Отец Беранже – банкир. – Приезд поэта в Париж. – Занятия в конторе отца. – Разочарование. – Арест Беранже-отца. – Крушение банка. – Нравственные муки поэта. – Беранже становится поэтом по призванию. – Литература времен революции, ее влияние на Беранже. – Беранже-библиотекарь. – Падение Директории. – Аделаида Парон. – Ее связь с поэтом. – Фюрси Парон. – Разлад поэта с отцом. – Друзья. – Юдифь Фрэр. – Радости и горе Беранже. – Письмо к Люсьену Бонапарту. – Беранже у Ландона. – Арно. – Увлечение Шатобрианом. – Драматические попытки Беранже.

В двадцатых числах октября 1796 года Беранже-отец окончательно поселяется в Париже. Падение ассигнаций, общие денежные трудности в то время делали очень выгодным ростовщичество. Несмотря на аристократические претензии, Беранже де Мерсис с увлечением занялся этим делом. С одной стороны, он всегда близко стоял к различным денежным операциям, с другой, – презренный металл всегда казался ему надежным средством достигать нематериальных целей, – например, признания родовитости. Надо думать, что управление различными поместьями дало ему возможность скопить небольшой капитал, без чего он не мог бы, конечно, начать заемные и ссудные дела.

Приехав в Париж, он прежде всего устроил свои домашние дела. Его жена в это время страшно бедствовала и к тому же была больна. Непосильный труд ради заработка, потом беззаботное проживание полученного в несколько дней, в шумном веселье бульварных театров и танцклассов, и опять нужда до новой работы окончательно сломили ее здоровье. Муж приютил ее у себя, хотя ни он, ни она не питали друг к другу никакой симпатии. Сближение произошло вследствие сострадания и осознания своей вины, с одной стороны, и вследствие глубокой нищеты, – с другой.

В помощь себе в финансовых операциях Беранже выписал из Перонны сына. Это проявление родительской власти было совершенно неожиданным для будущего поэта. Тем не менее, воспитанный вдали от отца и почти без его помощи, он все-таки не переставал чувствовать свою связь с родителем и, пусть скрепя сердце, покинул Перонну. Расставаясь с теткой, он обливался слезами, тетушка тоже, а Буве давал ему советы, как жить, чему поучиться, и сулил в будущем известность. Одно смягчало для Беранже

горечь разлуки с Перонной. Его давно уже тянуло в Париж, в Париж, волновавшийся новыми идеями, светлый отблеск которых очаровывал его еще у Белланглиза.

Прибыв в столицу, Беранже сначала чрезвычайно увлекся финансовыми операциями своего отца. Он оказался весьма ловким счетоводом, и это так прельщало его, что ростовщичество было для него чем-то вроде искусства для искусства. Как и повсюду в то время, Беранже ссужали деньги, взимая от трех до четырех процентов в месяц. Им самим приходилось занимать при условиях не менее тяжелых. Деньги выдавались ими под залог движимого. Через руки будущего поэта проходили золото, серебро, драгоценные камни, разного рода платье и в том числе скудная одежда бедняков. В этом последнем молодой Беранже вскоре почувствовал оборотную сторону дела. Прежнее восхищение, вследствие сознания своего умения вести дело, быстро сменилось в нем отвращением к ремеслу отца. Многие из закладываемых вещи были до того бедны, что оба Беранже выдавали им деньги, не принимая залогов.

8 января 1798 года умерла мать Беранже. Для ведения домашних дел нового хозяйства, на углу улиц Фобург-Пуассоньер и Бержер, была приглашена из Самуа теща Беранже-отца, Шампи. Она была теперь вдова и притом без всяких средств к существованию, так как небольшие сбережения покойного мужа рухнули вместе с падением ассигнаций: водворению нового порядка во Франции предшествовали финансовые катастрофы...

Поселившись у зятя, вдова Шампи предостерегала его от увлечений. Ей казалось, и довольно основательно, что его обманывают в денежных делах, но еще более ее беспокоили его политические знакомства. Не довольствуясь финансовыми операциями, Беранже-отец продолжал лелеять мысль, что рано или поздно республика уступит место монархии. Он постоянно с живейшим вниманием следил за деятельностью сторонников прежнего режима и не замедлил принять участие в заговоре роялистов Бротье и Вильгернуа. Он играл роль банкира заговорщиков, переводил деньги по их поручениям, но, надо сказать, постоянная близость с представителями старинных дворянских фамилий восхищала его гораздо больше, чем главная цель их сообщества. Сына он тоже познакомил с этими господами, потому что юному стороннику республики часто приходилось относить деньги этим «преданным» слугам монархии.

В Париже главными руководителями заговора, по крайней мере на словах, были Бурмон и Клермон-Галлеранд. Узнав их поближе, Беранже убедился, что личные дела интересовали их сильнее реставрации Бурбонов.

Располагая крупными суммами, они играли на бирже, получали хорошие барыши и потому благоволили к отцу поэта. Он служил для них посредником в финансовых операциях, и, чтобы усилить его усердие, эти важные господа нередко подавали ему платье, когда заставляли его за туалетом. Из окна квартиры Клермон-Галлеранда на улице Шантерен в 1797 или 1798 году Беранже в первый раз увидел генерала Бонапарта. Это было после славной итальянской войны. Еще в Перонне с именем Бонапарта для Беранже соединялось представление о спасителе отечества от нашествия врагов. В Париже при виде героя он почувствовал своего рода эпический восторг.

13 февраля 1798 года Беранже-отец был арестован. Его обвиняли в посредничестве между лондонскими заговорщиками и парижскими их соучастниками, но за недостатком улик оправдали. Пока он сидел в тюрьме, денежные дела велись его сыном, и притом так искусно, что все предсказывали молодому финансисту самую блестящую будущность. Его нисколько не прельщала эта перспектива. Наоборот, он тяготился своим положением участника в некрасивом деле, и тем сильнее, что тут замешаны были враги республики. Судьба скоро вывела его на другую дорогу, но при самых трагических обстоятельствах. Через год после ареста Беранже-отца дела его конторы пошли все хуже и хуже и наконец заключились крахом. Таким образом, будущий поэт освобождался от тяготившего его дела, но первое время после крушения конторы он чувствовал себя едва ли не хуже, чем раньше. Кредиторы преследовали его отца, но и к сыну они обращались с упреками, потому что и он принимал участие в операциях банка. Нравственное положение его было ужасным. Он мог оправдаться лишь тем, что исполнял долг сына, как мог способствовал правильности дела и, наконец, не пользовался доходами предприятия. Его привычки были очень скромны, в блестящую пору процветания банка он даже не жил у своего отца. Он занимал мансарду на углу улицы Бонди и Сен-Мартенского бульвара, почти в поднебесье, без отопления, причем дождь и снег нередко сыпались на его ложе. Тем не менее он не находил покоя от сознания несчастья, вызванного крушением банка. Он избегал не только кредиторов своего отца, но и всех людей вообще и в самом мрачном настроении по целым часам бродил в уединенных окрестностях Парижа. Чтобы забыться, он хотел даже принять участие в Египетской экспедиции, но его отговорил от этого намерения Парсеваль-Гранмезон, только что вернувшийся из страны фараонов. Некоторые финансисты предлагали ему в это время значительные суммы для нового банковского предприятия. Они знали о его честности и умении вести дела, но слово «биржа» или «банк» повергало

его теперь почти в ужас, и он решительно отказался. Его привлекали теперь совсем другие цели: он начинал чувствовать, что поэзия – его настоящее призвание. В Перонне он писал случайно, без определенного плана, в Париже его произведения становятся выразителями его республиканских чувств и мыслей. Он не мог, конечно, не покоряться при этом общей направленности своего времени, а эта направленность была сатирической и дидактической. Если поэты «рождены для звуков сладких и молитв», то никогда они не были так далеки от своего настоящего назначения, как в эту эпоху. Злоба дня царила в литературе. Романы, повести, стихи, комедии, драмы и водевили, – все, что имело какое-нибудь право на звание литературного произведения, отражало в себе течения общественной жизни до самых незначительных ее изменений. Особенно характерен в эту эпоху театр. Почти все драмы и комедии этого времени безвозвратно канули в Лету, и если бы теперь их поставили на сцене, они вызвали бы скуку или гомерический хохот – такова их ходульность. Но в момент их появления эти пьесы принимались иначе. В то время театр был своего рода трибуной: все политические мнения, события дня, дебаты в Национальном или Законодательном собраниях, а то просто в клубах и других общественных местах, сейчас же становились сюжетом драмы, комедии или трагедии. Вместе с сюжетами прямо из жизни в театр переносилась также борьба партий, и в зрительных залах нередко происходили кровопролитные драки между сторонниками и противниками пьес слишком яркого гражданского характера. Это общее направление театра в эпоху революции прекрасно определяется стихами Раде, автора «Благородного рабочего». Во времена монархии, по его мнению, на сцене выводили в обольстительных образах гордых королей, вероломных куртизанов, обманутых отцов и потворствующих слуг. Совсем в другом роде театр республики. Он обличает тиранов, каковы они на самом деле, он воспевает подвиги гордых защитников отчизны и становится школой нравов... Поэты Шенье, Лормиан, Депаз и множество других шли тою же дорогой. Беранже разделял их стремления, хотя плоды его музы оставались в рукописях. В александрийских стихах он метал молнии против Барраса и его сподвижников, мечтавших о Бурбонах роялистов, и в том числе друзей своего отца, он клеймил их эпиграммами. Ни одно из этих произведений не сохранилось; весьма вероятно, что они были слабы во многих отношениях, но влияние их на последующую деятельность поэта несомненно.

Судьба благоприятствовала знакомству Беранже с духом эпохи, насколько этот дух отражался в литературе. После крушения банка на небольшие остатки от прежнего благополучия его отец купил кабинет для

чтения на улице Сен-Никэз близ Тюильри. Число посетителей кабинета было довольно значительным, и среди них – несколько литераторов. Беранже, на котором лежала обязанность библиотекаря, легко познакомился с этими последними, а через них и с другими. Он начал изредка посещать различные литературные собрания, между прочим литературные салоны в отеле Телюссон, где не без зависти и волнения смотрел на кратковременных, как оказалось впоследствии, знаменитостей вроде Эйзеба Сальерта и Аллисона де Шазе.

Директория, заправлявшая в это время судьбами Франции, окончательно теряла свою популярность. Ее промахи, неумение обеспечить стране покой и безопасность были ясны для всех и в том числе для Беранже. Обстоятельства складывались таким образом, что сосредоточение власти в одних сильных руках не только никого не пугало опасностью деспотизма, но становилось желательным. Генерал Бонапарт очень верно угадал настроение минуты. В 1799 году он неожиданно прибыл из Египта и при помощи Сейса, Талейрана, Фуше и других учредил консульство. Беранже был в кабинете для чтения, когда пришла весть о приезде Бонапарта. Он, вместе с тридцатью другими читателями, вскочил при этом известии с радостным криком... В этом чувстве сходились все французы, лишь немногие Бруты предсказывали тогда падение республики, но голоса этих людей, что называется, вопияли в пустыне. «Все казались однолетками со мною,» – говорит об этом времени Беранже. Поэту минуло тогда восемнадцать лет, и вся Франция была в этом восторженном возрасте: Боден, искренний патриот и республиканец, даже умер от радости, узнав о прибытии корсиканца...

Театр, верно отражавший в себе симпатии общества, также не замедлил отпраздновать наступление консульства. Через четыре дня после переворота, т. е. 13 ноября 1799 года, на сцене Национальной комической оперы был поставлен экспромт Севрена «*Mariniers de Saint-Cloud*» («Унтер-офицеры Сен-Клу»). В кабачок некоего Жерома приходит толпа посетителей: жители Сен-Клу и унтер-офицеры. «Послушайте, – говорит им хозяин, – я чрезвычайно доволен этой милой малюткой революцией (*de la gentille bonne petite révolution*)... Она свершилась так кстати, что не останься в моем погребе вина, я отнюдь не скорбел бы... пусть только пьют его за здоровье храброго генерала, за того героя, который одержал столько побед, за его товарищей и за всех его *помощников!*...» «Клянусь небом, – ответил на это один из посетителей, – мы говорим то же самое!.. Порядок водворился, мир обеспечен, и в этом ручательство, что *республика укрепитя!*...» Республика укрепитя, так думали все французы, когда

совершился переворот 9 ноября 1799 года. Тем ничтожнее и гнуснее казались Беранже выходки роялистов против первого консула. Он все больше и больше расходился в этом со своим отцом.

В делах библиотеки он принимал участие с 1798 года по 1802-й. Чтобы помочь ему, отец выписал из Перонны двух своих родственников, племянника Флоримона Форже и племянницу Аделаиду Парон. Но эта помощь оказалась в значительной степени номинальной. Форже занимался главным образом растрачиванием по мелочам небольших поступлений библиотеки, а девица Парон кокетничала с посетителями. Ей было около 22 лет; при счастливой внешности она производила довольно сильное впечатление. Работа в библиотеке ставила ее в близкие отношения к Беранже, и вскоре по приезде из Перонны она покорила его сердце. В 1801 году она родила сына, отцом которого считала Беранже. Новорожденный был отмечен в метрике под именем Фюрси Парона и затем отправлен в деревню на воспитание. «Никогда сын не походил так мало на своего отца», – говорит о нем Буато...

После первого увлечения Беранже не замедлил увидеть девицу Парон в ее настоящем свете. Ни для него, ни для кого другого вскоре не было уже тайной, что она пользовалась своей красотой как средством для добывания денег. Это не мешало ей оказывать большое влияние на отца поэта и вызывать между обоими постоянные раздоры. Их отношения и до этого времени не отличались особенною близостью: цели, взгляды на жизнь, самый образ жизни, – все было у них различно. Аделаиде Парон не стоило поэтому большого труда развести их окончательно.

В 1802 году Беранже отказался от участия в делах библиотеки. С этих пор он видится с отцом очень редко, обыкновенно по праздникам, и чем дальше, тем все реже и реже. Вплоть до 1804 года в материальном отношении это самый тяжелый период в парижской жизни Беранже. После разрыва с отцом он жил все в той же мансарде на улице Бонди и, случалось, по целым дням питался одною лишь хлебною похлебкой. Душевно он чувствовал себя совсем иначе. Увлечение поэзией охватывало его все сильнее и сильнее. Он то пишет сам, то наслаждается написанным другими. Его собственные произведения в эту пору чрезвычайно разнообразны, пастушеские идиллии сменяются у него поэмами философского характера; чередуя те и другие, он пишет песни, такие веселые и остроумные, как будто их автор никогда не знался с нуждой. Он не торопился печатать эти плоды своей музыки, но в 1797 году, без его ведома, они появились в печати. Его отец всегда искал случая так или иначе удовлетворить свое тщеславие и поместил в альманахах «Новогодние

подарки Мнемозины» и «Гирлянда цветов» несколько песен своего сына. Это были «Двойное похмелье» («La double ivresse»), «Да будет так» («Ainsi soit-il») и небольшой диалог-идиллия «Гликерия» (в переводе Дмитриева «Людмила»). «Да будет так» – самое характерное среди них. «Я сделался ясновидцем, – говорит Беранже в этой песне, – наше будущее открывается перед моими глазами...» Он видит там картину обновленного общества: повсюду царит справедливость, ошибки великих людей подвергаются свободному обсуждению, становятся сюжетом песни, не привлекая внимания альгвазилов; истина возвращается из своего изгнания... «Итак, мои друзья, – заканчивается песня, – возблагодарим Бога, полагающего всякой вещи свое время. Что до тех, о которых я говорил, – они назначены на тридцатое столетие...»

Разнообразие произведений Беранже в эту пору соответствует неровности его настроения. Он то весел, то в глубоком отчаянии, то спокойно размышляет о будущих судьбах человечества и, как во время крушения банка, меланхолично гуляет в окрестностях Парижа. Остроумием и веселием он сверкает главным образом в обществе своих друзей, а этих друзей у него было немало. Не считая старых знакомых в Перонне, он сблизился в Париже с молодыми художниками Эвраром и Бурдоном, потом с общим другом обоих, Герэном, автором «Марка Секста», наконец, с молодым композитором Виллемом Боккильоном, который писал впоследствии музыку для песен своего приятеля. Почти одновременно с этими знакомствами Беранже узнал Лебрена. Автор «Кориолана» Лебрен был моложе своего нового приятеля, но в двадцать лет ему удалось уже сделаться чем-то вроде «литературной особы». Беранже стеснялся при встречах с Лебреном, в кружке же других своих знакомых он был самый веселый собеседник и самый искренний друг. Он едва ли не в такой же степени певец дружбы, как и певец свободы.

Еще в бытность у Шампи, до 1789 года, когда мать Беранже квартировала на улице Нотр-Дам де Назарет, он встречал у ее знакомых девочку-подростка Юдифь Фрэр. Она была дочерью довольно зажиточного пирожника и после смерти отца постоянно находилась в доме своей тетки по фамилии Родд. Эта почтенная женщина дала ей весьма приличное воспитание и, умирая в 1818 году, оставила в наследство несколько тысяч франков. Вернувшись в Париж из Перонны, Беранже снова встретился с Юдифью. В эту пору она была стройной девушкой с чисто ангельским выражением лица. Чудные каштановые волосы, большие голубые глаза и мелодичный голос довершали прелесть ее фигуры. Беранже вскоре почувствовал на себе обаяние Юдифи. Он далеко не был красив для

двадцатилетнего юноши. В 1800 году, избегая рекрутского набора, вернее, спасая своего отца от неизбежной необходимости нанять добровольного охотника вместо тщедушного сына, Беранже не записался в «контроле». Никому не приходило, однако, в голову потребовать от него этой записи, до того он выглядел стариком не по летам. Бледный лицом, слабогрудый, вдобавок плешивый вследствие частых головных болей, он не годился для Марса и мог ожидать того же от Венеры. Отсюда горечь, которую он почувствовал при виде очаровательной Юдифи. Отражение этого чувства сохранилось в грациозном романсе «Боже мой, как она хороша», но опасения молодого поэта оказались напрасны...

Некоторые критики из враждебного лагеря говорили потом, что Беранже воспел девицу Фрэр в лице легкомысленной Лизетты. Он действительно воспел ее, но только в стихах, полных глубокой любви и преданности, какими были «Добрая старушка», «Проклятая весна» и «Время».

Вместе с Юдифью и своими ближайшими друзьями Беранже изредка устраивал в складчину небольшие пирушки, где сугубо гастрономические недочеты возмещались веселием и песнями. Чаще всего друзья собирались у доктора Малле на улице Бельфон, в старом отеле Шаролэ. Квартира доктора разделялась на две половины: в одной жил он сам и принимал пациентов, другая отдавалась внаймы молодым людям более или менее состоятельным. Отсюда было недалеко до консерватории, и потому Виллем Боккильон был в числе квартирантов Малле. Семейство доктора состояло из жены и нескольких дочерей. Они любили музыку и пение и без всякого жеманства готовы были отплясывать до заутрени. С приходом Беранже и его приятелей меблированные комнаты доктора становились неузнаваемы. Маленькие балы, маленькие ужины при громе песен и музыки, маскарады, самодельные водевили на импровизированной сцене сменялись здесь одни за другими. Беранже был коноводом, – самые веселые песни он написал для этого кружка. То же следует сказать о большинстве водевилей для приятельских спектаклей.

Гораздо чаще, однако, и Беранже, и Виллем меланхолически закусывали в кредит у некоего Граппа, на улице Прувер. Нужда все сильнее и сильнее давала о себе знать молодому поэту. Бывший финансист, он давно уже состоял клиентом в Mont de Piété^[1], где закладывал кое-какие вещицы из благородных металлов. Его костюм приходил в окончательную ветхость. Прежде чем выйти из дому, он всякий раз чинил принадлежности своего туалета, причем его игла не переставала находить новую арену для своей деятельности. Нехватка собственной одежды заставляла его

обращаться к заимствованиям из гардероба товарищей. «Говоря между нами, – писал Беранже в стихах своему другу Виллему, – я очень мало верю, мой друг, в добродетель девяти сестер (муз), потому что они забавляются, видя нас без штанов». Беранже удалось в это время заручиться билетом в собор Парижской Богоматери, где должен был присутствовать на молебне Наполеон и подвластные ему коронованные особы. Затруднение состояло лишь в том, что у Беранже не было подходящих к церемонии панталон. Этим и вызвано было стихотворное послание к Виллему. «Ты, – заканчивал это послание поклонник Наполеона, – ты, который всегда бывал великодушен, всегда чувствителен, ты, который никогда не смеялся над просьбою несчастного, живущий, как Робинзон, в то время как судьба бросает меня из стороны в сторону, ты, имеющий возможность сидеть дома, не одолжишь ли ты мне панталон?..» Беранже и просит, и в то же время смеется над поэтической манерою некоторых из своих современников. Это был в своем роде смех сквозь горькие слезы... Все попытки Беранже найти какое-нибудь место не приводили ни к чему. Он решился, наконец, на крайнее средство и, не говоря ни слова ни Юдифи, ни своим приятелям, послал письмо сенатору и академику Люсьену Бонапарту. Люсьен был братом первого консула и, по словам Ламартина, настоящим римлянином блестящих времен латинской республики. В числе других он способствовал брату в перевороте 9 ноября, но здесь кончалась его солидарность с Наполеоном: Наполеон-император был для него уже врагом. Беранже написал Люсьену о своей нищете, о тщетных попытках вырваться из ее когтей, о своих литературных надеждах и приложил к письму две поэмы: «Восстановление культа» и «Потоп». Прошло два дня напрасных и тяжелых ожиданий. Беранже решил забыть о своем письме. На третий день вечером у него сидела Юдифь и, не зная чем помочь своему другу, гадала на картах. Бубновому королю Беранже выходило чрезвычайно приятное известие. Поэт чинил в это время панталоны, чтобы перейти затем к сапогам. С иглой в руках он напевал мизантропическую песню, но слова Юдифи, как ни мало верил он в искусство девицы Ленорман, опять оживили в нем надежду на Люсьена. Как вдруг запыхавшаяся привратница вбегает в комнату и вручает ему письмо с незнакомым почерком. Бросив иглу и панталоны, Беранже с трепетом разорвал конверт и приступил к чтению. «Гражданин! – начиналось письмо. – Сенатор Люсьен Бонапарт получил и с интересом прочел поэмы, присланные вами. Он с удовольствием примет вас, чтобы побеседовать об этих поэмах. Его можно видеть днем с 12 часов до 2-х. Свидетельствую вам мое почтение. Секретарь Тьебо. 21 ноября 1805 года».

Можно представить себе волнение Беранже при чтении этого известия, он даже плакал от радости.

На следующий день, заняв у приятелей более приличный костюм, Беранже отправился к Люсьену. Молодой сенатор – всего двадцати лет – принял его очень ласково и одобрительно отозвался о его поэмах. Он предложил поэту написать что-нибудь из римской истории и дал сюжет – «Смерть Нерона». Люсьен был приверженцем старой литературной школы, которая черпала свои вдохновения в античном мире, придерживалась возвышенного, вылощенного стиля во вкусе Делиля, и вне того и другого не видела ни талантов, ни поэзии. Это вовсе не вязалось с характером Беранже. Тем не менее он принялся за «Смерть Нерона» и написал около трехсот стихов, но дальше этого дело не пошло. Он был очень ловким версификатором благодаря упорному труду над своим слогом, но излюбленный Люсьеном стиль и тема положительно лишали его этого искусства. В торжественной музыке поэмы у него то и дело проскальзывали выражения, от которых коробило академика. Что касается песен, то этот род казался сенатору недостойным звания литературы.

Через несколько месяцев в том же году, не найдя общего языка с Наполеоном, Люсьен уехал в Италию и занялся там археологическими раскопками. Он прислал оттуда Беранже доверенность на получение своего академического жалованья. Страшно бедствовавший поэт вдруг сделался чуть не Крезом, в храме бессмертных ему отсчитали три тысячи франков, за три года не полученные Люсьеном. Большую часть этих денег он отдал своему отцу, который изредка снабжал его деньгами и кормил обедами во время редких свиданий. Затем поэту предстояло получать ежегодно только тысячу франков. Это было много после прежней нищеты, но все-таки недостаточно для существования.

В 1805 году, опираясь на покровительство Люсьена и протекцию своего друга Эврара, Беранже получил место в бюро художника Ландона. Ландон предпринял издание в нескольких томах снимков с картин и статуй Луврского музея, обогащенного войнами Наполеона. На обязанности Беранже лежало составление пояснительного текста. Тот же Ландон издавал еще «Историческую галерею знаменитых людей», а по совету зятя прибавил к ней «Галерею мифов». Беранже взялся за составление этих очерков и написал несколько сот страниц об Ахиллесе, Аполлоне, Тезее и других, но «Галерея мифов» так и осталась в портфеле издателя. Эти работы у Ландона дали поэту новый случай обогатить свои познания – знакомство с мифологией отражается в его песнях, – а 1800 франков вознаграждения вместе с академическим жалованьем Люсьена позволяли

ему существовать без особенной нужды и помогать своим. Он делился этими суммами с отцом, с бабкой Шампи и сестрой, в то время модисткой у одной из теток.

Неопределенность заработка у Ландона заставила Беранже добиваться более прочного положения через посредство какого-нибудь правительственного учреждения. Вскоре после встречи с Люсьеном он познакомился с другом этого последнего, поэтом-трагиком и баснописцем Арно. Арно был начальником отделения по народному просвещению в министерстве внутренних дел. Беранже обратился к нему с просьбой о протекции. Люсьена не было в это время в Париже, он находился в опале, и эта опала распространялась отчасти и на его друга Арно. Он был еще молодым человеком, вполне независимого характера, и обошелся с Беранже как приятель, но помочь оказался не в силах. Единственное, что он мог сделать для сотрудника Ландона, – это ввести его в литературные кружки. Благодаря Арно Беранже посетил так называемые «Завтраки», – собрание литературных светил того времени. Ему предложили там работу в периодических изданиях, но он не чувствовал склонности к этого рода занятиям и потому отказался.

Как раз в эту пору мирозерцание Беранже подверглось довольно сильному испытанию. Шатобриан выпустил в это время свой знаменитый «Дух христианства». Богатый язык, новые сведения из малоизвестной эпохи произвели на Беранже такое сильное впечатление, что он почувствовал потребность сделаться истинным католиком. Он читал и перечитывал «Дух христианства», ходил по церквям, выбирая наименее посещаемые, штудировал «аскетические» сочинения и даже написал несколько стихотворений в духе своего увлечения, но все это было слишком искусственно и вскоре рассеялось, навсегда укрепив Беранже в его прежних религиозных воззрениях. Он был деистом и таким остался до самой смерти. Влиянию же Шатобриана нужно приписать намерение Беранже сочинить поэму из времен Клодвига, просветителя Франции. Эти уклонения поэта от истинного призвания объясняются очень просто. Парижская жизнь Беранже до 1812 года – период его самообразования. Беспорядочность и скудость сведений, полученных им в Перонне и потом из книг, читанных тоже вразброд среди забот о куске хлеба, ставили его в положение человека, постоянно открывавшего Америку. Мрак неведения разверзлся для него слишком резко и тем ослепительнее казался свет познания. Этим же объясняются его подражания то тому, то другому писателю.

Знакомство с Мольером – результат стремлений обогатить свои знания

– до того увлекло его, что он сам принялся за комедии. Он набросал несколько таких произведений, среди них своих «Гермафродитов», сатиру на женщин-мужчин и мужчин-женщин, – явление весьма распространенное в дни Директории. Однако он не замедлил почувствовать, что слава Мольера не для него, и отказался от своих драматических попыток.

В это же время Беранже упорно работает над своим стилем. Чтобы скорей достичь цели, он переписывал от руки лучшие произведения французской литературы. «Аталию» Расина он переписал два раза.

Насколько труды его увенчались успехом, об этом можно судить по его песням. Их сжатая форма не допускала ни одного лишнего слова, и если поэт преодолел эти препятствия, то, конечно, лишь после долгой и упорной работы.

Глава III. Борьба

Смерть Беранже-отца. – Поэт на государственной службе. – Фонтан. – Фюрси Парон на руках Беранже. – Нравственный кризис. – Определение литературной дороги Беранже. – Идиллии 1812 года. – Беранже прибавляет к фамилии частицу де. – Письмо к Сольмс. – «Жанна д'Арк». – «Король Ивето». – Легенда о нем. – Французская песня до Беранже. – Дезожье. – Беранже – член «Погреба» и «Ужинов Момуса». – «Гастрономы». – Падение Наполеона. – Сдача Парижа. – Реставрация Бурбонов. – Начало оппозиции Беранже. – «Сто дней». – Отношение Беранже к Наполеону. – Вторая Реставрация. – Журналы во время второй Реставрации. – Первое издание песен Беранже. – Предисловие. – Предостережение. – Второе издание песен. – Процесс. – Беранже в тюрьме Сен-Пелажи. – Лафитт. – Третье издание песен. – Манюэль. – Политические общества при Бурбонах. – Четвертое издание песен. – Процесс. – Беранже в Лафорсе. – Июльская революция.

1 января 1809 года отец Беранже умер от апоплексического удара. Последние годы своей жизни он почти не виделся с сыном и всецело находился под влиянием Аделаиды Парон, не перестававшей вредить поэту вплоть до своей смерти в 1812 году. В тот же 1809 год Арно удалось пристроить своего приятеля. Императорское правительство организовало в это время новый университет, и Беранже получил там место экспедитора в канцелярии великого магистра Фонтана. Магистр знал от сенатора Люсьена Бонапарта о литературных попытках Беранже и даже читал и одобрил его поэмы. Это не помешало ему обойтись с писателем как с обыкновенным писцом и назначить ему самое скромное содержание – всего тысячу франков. Люсьен был в немилости – в этом скрывался отчасти секрет холодности Фонтана, с другой стороны, у него были свои протеже, и он усердно распахивал их в новом учреждении. Рекомендация Арно как друга Люсьена не имела особенного веса... Тем не менее первое время Беранже был очень доволен своим местом, так как работы у Ландона были окончены. Если он и сожалел о чем, так это о позднем удовлетворении своей просьбы, что лишило его возможности своевременно помочь отцу. Ему предстояла другая, совсем неожиданная забота.

Как раз в эту пору предполагаемый его сын Фюрси Парон, потом в память мецената прозванный еще Люсьеном, был привезен кормилицей из деревни. Ей ничего не платили за его содержание, и она решила после

долгих ожиданий возратить ребенка родителям. Небольшой бюджет поэта обременился новым расходом, потому что Аделаида наотрез отказалась от Фюрси. Для нее это был новый случай насолить Беранже. Действительно, несмотря на все усилия Беранже и Юдифи, Фюрси не поддавался никакому воспитанию. Он был настоящий потомок полусумасшедших предков и легкомысленной Аделаиды. Беранже затратил на него добрую половину своих капиталов, доходы с изданий своих песен, столько же преподавал ему советов, обещая усыновить в случае его исправления, – все оказалось напрасно. Фюрси Парон умер в 1840 году, на острове Бурбоне, как настоящий дикарь, в грязной хижине у любовницы-негритянки.

Кроме Парона, на руках у Беранже все в тот же злополучный 1809 год осталась еще вдова Шампи, разбитая параличом. Беранже терял голову среди этих несчастий. Он страдал и от невозможности оказать настоящую помощь, и от сознания запутанности своих дел и начал подумывать о самоубийстве. «Какая будущность! – писал он в эту пору одному своему другу. – Постоянно зависеть от других, быть всем должным!.. Не лучше ли положить *конец* этой веренице несчастий, чем, вопреки своему настроению, разыгрывать роль весельчака. Ах, мой друг, я тщетно стараюсь забиться: мои лета скоро отнимут у меня эту последнюю утеху...» Не одни несчастия были причиной этого настроения поэта. Это был в то же время кризис его поэтической деятельности. После целого ряда поэм, комедий, идиллий и песен он пришел к мучительному моменту в жизни писателя, к своего рода вопросу – быть или не быть. Он стоял на распутье, о котором говорится в сказках и которое лишь в сказках не вызывает особенной борьбы. После долгих мучений к Беранже опять возвращается его спокойствие. «Я вполне счастлив, – пишет он в 1810 году, – мои литературные претензии *ограничиваются песнями* или, по крайней мере, попытки в других родах до того сохраняются мною в секрете, что я остаюсь вполне неизвестным. Дело в том, что я не печатаю даже песен, какие бы похвалы ни вызывали они у моих друзей, в особенности у Арно».

1812 год можно назвать финалом поэтических исканий Беранже. Желая чем-нибудь почтить Люсьена Бонапарта, он собирает в эту пору свои лучшие идиллии и предпосылает им посвящение своему меценату. Несмотря на рекомендацию Арно, цензор Лемонтей не нашел, однако, возможным разрешить печатание этого сборника. Ему казались слишком резкими два стиха в эпилоге: «Оставайтесь, оставайтесь, в назидание миру, свободным от золота, обременяющего чело королей». Беранже не согласился выбросить посвящение и отказался от печатания сборника, а вместе с тем и от идиллий.

В посвящении Люсьену прекрасно выразилось переходное настроение поэта. Люсьен преклонялся перед классиками и только при основательном знании их считал возможным истинное творчество. Беранже, полнейший невежда как в языке Горация, так и в языке Гомера, как бы соглашается, что в этом преграда развитию его таланта. «Скажите, – спрашивает он в своем посвящении Люсьену, —

Скажите, отчего в наш славный век
Я и мои стихи умрем, не зная славы?
Затем – увы! – что древность не открыла
Своей классической гармонии секретов,
И воспитание, кормилица поэтов,
Сосцом своим меня ведь не кормило!
Чего хотите вы от тех, кто не учился?
Одни волчцы росли лишь там, где я родился,
Одни несчастья давали мне уроки,
И хорошо еще, что не пороки!..»

Беранже никогда не забывал благодетелей Люсьена, но в песне «Придворное платье, или Визит к Его Высочеству» он довольно едко посмеялся над желанием сенатора придать академический лоск своему протезу... Маленький человек приобретает придворное платье: его приглашают ко двору. Вот он в новом костюме, полный довольства предстоящею честью. Однако до Его Высочества весьма далеко, а кареты у нового придворного не имеется. Он отправляется пешком. Добрый сосед перехватывает его по дороге и предлагает закусить. Он соглашается, но просит поторопиться: он идет к Его Высочеству. Свадьба приятеля в другом пункте его маршрута вызывает такую же остановку, но, хоть будучи порядком навеселе, он опять пускается в дорогу. Тут ожидает его третья задержка: он встречает Розу, веселую кокетку, которая увлекает его к себе. Путешествие оканчивается в кабаке, где новый придворный, не дойдя по назначению, засыпает глубоким сном. Погружаясь в объятия Морфея, он навсегда отказывается от двора и говорит:

А кто пойдет, друзья, к вельможе,
Тому дарю свой новый фрак.

Отказавшись от печатания идиллий, Беранже точно так же отказался от подражания классикам.

В 1812 году он впервые записывает свои песни. Он не делал этого раньше, и многие из его песен пропали поэтому для потомства, например «Упитанный бык», «Придворный чистильщик сапог», написанные в 1805 году, и другие. Мысль записать свои песни пришла ему во время болезни его друга, художника Герэна. Сидя у постели больного, поэт развлекал его, напевая свои куплеты, и, тут же записав их, набрал около сорока. Что касается забытых, то их насчитывается гораздо больше. Многие из них отличались большой откровенностью сюжета. Беранже объяснял их происхождение не только своей молодостью, но главным образом деспотизмом наполеоновского режима. По его мнению, стесненная в своем выражении мысль тем сильнее стремилась перейти границы дозволенного: скабрёзность песни делалась своего рода оппозицией.

В начале XIX века во Франции насчитывалось несколько поэтов с фамилией Беранже. Это было неудобно ни для автора «Придворного платья», ни для его однофамильцев. Один из них воспел рождение императорского принца, и все приписывали эту оду Пьеру-Жану Беранже, что вовсе не входило в его расчеты. С другой стороны, его однофамильцы немало волновались, когда их считали авторами его собственных песен, подымавших на ноги цензуру. Чтобы спасти и себя и других от подобных недоразумений, Беранже прибавил к своей фамилии частицу *де*. Ламартин думал, что поэт признал таким образом свое аристократическое происхождение, но песня «Le Vilain» («Простолюдин») вполне опровергает это. Вот что писал Беранже на эту тему внучке Люсьена, госпоже Сольмс: «Смейтесь надо мною, сколько хотите, моя красавица, вы не помешаете мне быть таким же аристократом, как сам король, и вы не отнимете у меня всех возможных прав подписываться *де* Беранже. Я не придаю никакого значения этой частице, но дело в том, что она мне принадлежит по праву. Одни ограниченные умы погружены в мелочные интересы. Маркизы ли, плебеи ли служат демократическому принципу, – это не изменяет вопроса, лишь бы они нашли этот принцип в глубине своей души. Я не понимаю, как можно гордиться титулом, которым обязан случаю, тем более что в наш век он утратил всякое значение, но не понимаю также, как те, которые с ним родились, стараются тщательно скрыть, чтобы угодить иным людям. Будьте всегда независимы: не ряса создает монаха. Что касается меня, пускай меня называют Беранже, или *де* Беранже, или даже *шевалье де* Беранже, мне решительно все равно. Я бы постыдился объявить, в угоду иным из моих знакомых, что не имею права на это *де*, но я никогда не

чванился им. Засим, моя милая фея, не занимайтесь более этим важным вопросом. Вы получили неоспоримые титулы от остроумия, красоты и прелести, и нет у вас более ревностного поклонника и слуги, как ваш старый друг, маркиз Беранже... Оно, пожалуй, и благозвучно, не правда ли?.. Или вы, может быть, предпочитаете: Беранже, искатель рифм?.. Лихо, не правда ли?.. Выбирайте...» Говоря о своем праве на частицу *де*, поэт имеет в виду свой акт о крещении, где эта частица фигурирует перед его фамилией. Что касается аристократических претензий своих предков, то он смеется над ними в своей автобиографии. Во всяком случае это вопрос действительно «неважный».

После кратковременного увлечения «Духом христианства» Беранже навсегда сохранил уважение к Шатобриану как писателю и человеку. Не разделяя всех его симпатий, он никогда не забывал, что обязан ему расширением своего умственного кругозора. Когда появился «Путеводитель от Парижа до Иерусалима», сочинение того же Шатобриана, он увлек Беранже, но совсем не в ту сторону, куда призывал читателя автор. «Я должен вам признаться, – писал он приятелю в 1811 году, – что знакомство с последним сочинением Шатобриана („Путеводитель“) пробудило во мне желание съездить не на Святую землю, а в Италию, в священную страну искусства и почти столь же поэтическую, как Греция...» Это были последние поиски таланта, где бы приложить накопившуюся энергию. В знаменитый «двенадцатый год», начало крушения наполеоновского режима, Беранже принимается за поэму «Жанна д'Арк». Он вырос на сочинениях Вольтера, но никогда не мог простить ему насмешек над «орлеанской девою». Это оскорбляло его патриотизм, и в этом же последнем чувстве заключается причина, почему он вздумал воспеть знаменитую девственницу. Еще в Перонне он живейшим образом следил за событиями во Франции, но до 1812 года очень редко трактовал сюжеты, в которых отражались бы его заботы об отчизне. С «Жанны д'Арк» начинается эта новая эра его литературной деятельности. Правда, он не закончил поэмы, и вообще неизвестно, много ли написал, но это не важно. В данном случае характерен самый выбор сюжета: Беранже становится с этих пор писателем-гражданином.

В 1813 году не одни обыкновенные читатели, но и придворные сферы, не исключая их центра, императора, были немало взволнованы появлением новой песни Беранже «Король Ивето». Она не была напечатана, но чрезвычайно быстро распространилась по Парижу в многочисленных списках. Для обыкновенных читателей новая песня Беранже являлась выражением накопившегося недовольства Наполеоном, для Наполеона это

была неожиданная критика из лагеря писателей, до сих пор хранивших молчание, без сомнения, невольное. Распространенность песни говорила к тому же, что протест Беранже поддерживается безмолвным одобрением его читателей. Император не отдавал, однако, приказания разузнать, кто автор «Короля Ивето», но полиция, по собственному почину, занялась выслеживанием слишком смелого писателя. Она приписывала песню лицам, несколько не повинным в этой сатире, а потому Беранже поспешил сообщить ей свое имя и звание. На этот раз дело окончилось для поэта без всяких неприятностей...

Существовал или нет в действительности король Ивето, во всяком случае, о нем имеется довольно значительная литература. Легенда об этом монархе пользовалась во Франции большой популярностью; во времена Беранже поклонники Бахуса хорошо знали в Париже, на углу улиц Сент-Оноре и Дюшантр, кабачок под вывеской «Au roi d'Ivetot». Ивето – французский город в Нормандии. В средние века он был столицей феодального владения того же названия. Как рассказывают его историки, владлец Ивето однажды охотился с Клотаром I, одним из представителей Меровингов. Охота кончилась трагически, король разгневался на вассала и хотел убить его на месте. Спасаясь от смерти и короля, вассал бежал и спрятался в церкви, но был настигнут и убит королем, в припадке гнева забывшим о святости храма. Потом, повествует легенда, Клотар опомнился и, терзаясь угрызениями совести, в знак раскаяния дал потомкам убитого право именоваться «Величеством». Таким образом возникло королевство Ивето. Беранже противопоставляет идиллического владыку этого государства безгранично властвующему Наполеону. Его песня проникнута самой тонкою иронией, хотя приемы автора, по-видимому, самые незатейливые. «Добрый король» Ивето живет просто, он чужд всякого тщеславия и разъезжает по своим владениям верхом на осле в сопровождении одной только собаки. Подарок красавицы Жанетты, колпак, заменяет ему корону, он не воюет с соседями, не обременяет свой народ налогами – одним словом, Наполеону было отчего нахмуриться при чтении песни Беранже.

В собственно литературных кружках «Король Ивето» – в переводе Курочкина «Царь Додон» – производил не меньшее впечатление. Там знали уже и другие песни Беранже, и теперь, когда появилась сатира на Наполеона, все желали познакомиться с ее автором... Во Франции песня всегда пользовалась большой популярностью. Во времена Фронды враждующие стороны, не довольствуясь пулями, обменивались еще сатирическими куплетами, но в XVIII веке этот воинственный характер

почти совсем утрачивается песней. Главные корифеи в этом роде – Колле, Панар, Пирон и два Кребильона, отец и сын – воспевают в это время почти исключительно вино, женщин и любовь.

Они составляли особое общество под названием «Погреб». Заседания «Погреба» происходили в ресторане Ланделя за столом, обильно уставленным всякими яствами и напитками. Веселое настроение переносилось отсюда и на плоды вдохновений: члены «Погреба» каждый месяц выпускали тетрадь своих песен, а в конце года – целый том.

Надо думать, Беранже был хорошо знаком с их творениями, потому что в одном из предисловий к своим песням он выводит Колле в разговоре с цензором, да и сам он сложился, конечно, под влиянием своих предшественников в песенном творчестве.

Во времена революции, несмотря на всеобщее увлечение новыми идеями или страстную борьбу за старые, песня лишь в «Марсельезе» Руже де Лиля поднимается на высоту требований эпохи. Большинство ее авторов придерживалось традиций Колле и Пирона, далеко не имея, однако, таланта этих писателей... «Друг красотки», «Репертуар влюбленных», «Новогодние подарки любви», «Капризы», «Любовные волнения» – вот, за малым исключением, заглавия сборников песен ближайших предшественников и современников Беранже. Легко заключить отсюда о содержании этих альманахов. Стиль их авторов в большинстве случаев ниже всякой критики, как и остроумие, и художественные достоинства. «Моему портному в благодарность за похвалы, которых удостоилось сшитое им платье со стороны одной *петербургской* дамы», «Куплеты четырнадцатилетнего юноши его крестной матери, подарившей ему часы», «Госпоже Б. при поднесении ей чашки с изображением собаки и под собакой надписи: верность» и т. д. – вот заглавия песен, которыми угощали французского читателя в первые годы жизни Беранже. Среди последователей Колле насчитывались также духовные лица, например аббат Лотеньян. Он писал торжественные вирши на библейские сюжеты, но еще чаще песни, до того игривые и легкомысленные, что ему действительно мог позавидовать не один из светских коллег, конечно, из сотрудников каких-нибудь «Любовных волнений».

Дезожье – почти единственный выдающийся талант той поры. Вокруг него группировалось несколько других писателей, а все вместе они составляли кружок, по примеру кружка Колле под названием «Погреб» и с той же программой – вино, женщины и любовь. Форма песен Дезожье была безукоризненной и была проникнута неподдельным весельем. Как личность он был человеком без всяких убеждений, добрым малым,

любителем общества – из-за панического страха перед одиночеством.

Беранже был ревностным читателем Дезожье и одно время, никому еще не известный, чувствовал к нему что-то вроде зависти. Он часто встречал его на улице и всякий раз говорил про себя: «Не будь мои поэмы... я написал бы лучше тебя...» Когда по Парижу распространились рукописные экземпляры песен Беранже – «Король Ивето», «Человек в сером» и «Сенатор», – Дезожье был в восторге и непременно хотел познакомиться с их автором. Этот автор всегда боялся показываться в каком-либо обществе, кроме общества близких друзей, и потому Арно, которому было передано пожелание Дезожье, должен был прибегнуть к хитрости. Он назначил свидание поэтов у брата маршала Сюше и, под видом приглашения зайти в ресторан, привел туда Беранже. Председатель «Погреба» Дезожье находился уже там, и к концу обеда, предложенного гостям, оба соперника в деле песен сделались закадычными друзьями. Беранже согласился при этом посетить заседание «Погреба».

В назначенный день он явился среди веселых членов этого общества и во время не менее веселого обеда спел им песню «Измены Лизы». Он привел их в такое восхищение, что все порешили сейчас же избрать его членом «Погреба» и очень изумились, когда узнали, что он не печатает своих песен. По уставу «Погреба», избрание новых членов производилось заочно, но Дезожье и его товарищи до того сгорали нетерпением видеть Беранже в числе «своих», что тут же приступили к баллотировке. В обход устава они спрятали поэта за портьеру и занялись голосованием, в то время как Беранже с бокалом в одной руке и с бисквитом в другой готовил в своем убежище благодарственные куплеты! Он был избран, конечно, единогласно...

В Париже существовало в это время еще одно общество любителей песен, под названием «Ужины Момуса»; оно также считало Беранже в числе своих членов и притом наиболее желательных. «Ужины Момуса» почти во всем походили на собрания «Погреба» с тою лишь разницей, что председательствующий исполнял свои обязанности с дурацким колпаком на голове... Еще в 1810 году, не состоя членом ни того, ни другого общества любителей песен, Беранже написал своих «Гастрономов», где весьма удачно посмеялся над людьми, венчающими лаврами «соусы и ветчину». Члены «Погреба» и «Ужинов Момуса» как раз приходились по этой мерке: boire и manger, пить и есть, были неразлучными припевами их куплетов. Сделавшись участником этих обществ, автор «Гастрономов» не мог не почувствовать поэтому, что он и его друзья – люди различных взглядов и стремлений. Во время владычества Наполеона Дезожье и его

товарищи спокойно распевали свои «boire» и «manger», но когда переменялся ветер, настала Реставрация Бурбонов, они не замедлили приветствовать ее радостными криками и послать стихотворные укоры и оскорбления по адресу свергнутого «корсиканца». Питомцы муз спешили заслужить расположение новых правителей и обивали пороги в надежде на теплые места. Один из них, Пиис, член «Погреба», писатель не без таланта, сочинял даже ответы на первые нападки Беранже на Бурбонов и передавал их на усмотрение Людовика XVIII. Дезожье, которого водили, что называется, куда хотели, пристроился в эту пору директором театра «Водевиль». Когда появилась песня Беранже «Паяц», сатира на людей без всяких убеждений, плывущих под флагом «чего изволите», Дезожье вообразил, что автор песни имел в виду именно его. Этого не было на самом деле, Беранже говорил вообще о многих, и не его была вина, если Дезожье оказался в числе этих многих.

Через год после появления «Короля Ивето» Беранже представился печальный случай убедиться, что он был прав, когда намекал на опасности наполеоновского деспотизма. Французские войска после несчастной кампании в России быстро отступали в свои пределы. В песне «Галлы и франки» Беранже еще не верит опасности, или верит, но призывает к мужеству. В тот же месяц, когда появилась эта песня, в конце января 1814 года, он пишет другую. Поэт называет ее своей «Последней песней», но все еще не чужд оптимизма и потому прибавляет к ее заглавию – «*может быть...*» Почему он назвал ее последней? По всей вероятности, сознавая, что цикл веселых песен в годину несчастий должен смениться другими.

30 марта 1814 года союзные войска подошли к Парижу. Беранже квартировал в это время на улице Бельфон, недалеко от заставы Рошшуар. Он мог видеть отсюда весь Париж и его окрестности: агония великого города происходила перед его глазами. В пять часов вечера он с волнением следил за геройским сопротивлением группы молодых людей на холмах Сен-Шамона. Вдруг он видит: кавалерийская колонна поднимается на высоты Монмартра, вот она около мельницы и поворачивает к заставе. Он сейчас же узнал в наступавших неприятеля. Враги занимали высоты, господствующие над Парижем. Немного времени спустя замолкла ружейная и пушечная пальба. Беранже бросился на улицу, чтобы узнать, в чем дело. Повсюду несли раненых, гремели фургоны, мель кали растерянные лица. На бульваре он узнал, что герцог Рагузский подписал капитуляцию. Первое время никто не хотел верить этому известию. Народ, главным образом, рабочие, все поджидал прибытия Наполеона, и всякий раз, когда вдали, за оборонительной линией, показывался генерал на белой

лошади, все с волнением кричали: «Это он, это он!» Когда стала известна сдача Парижа, эти ожидания сменились гневом. Многие требовали оружия – и в том числе Беранже. В течение ночи, – Беранже не мог найти покоя, пока она тянулась, – по городу были расклеены прокламации, извещавшие парижан о сдаче города.

С наступлением дня столицу Франции заняли союзные войска. Если это оскорбляло патриотическое чувство Беранже, то еще сильнее было его негодование при виде поведения некоторых французов. Едва ли нужно говорить, что это были сторонники дореволюционного режима, вздыхавшие по Бурбонам и мечтавшие занять хорошие места. То тут, то там в Париже мелькали уже белые кокарды и знамена, цвета семейства Бурбонов. Вступление неприятельских войск носители этих королевских знаков встречали радостными криками, а некоторые из них даже унижались до целования пыльных сапог победителей. Униженная и оскорбленная Франция для этих людей не существовала. Особенно возмутило Беранже, что эти господа не стеснялись аплодировать конвою, под прикрытием которого проводили по Парижу взятых в плен солдат Наполеона. Не меньшую боль чувствовал он при виде общего равнодушия к судьбам отечества, причину которого приписывал деспотизму Наполеона. Император, по мнению Беранже, стеснил свободу печати, лишил народ всякого влияния на дела государства, волю народа заменил своею, и потому в минуту опасности все полагались на него и только от него ожидали спасения. Вместе с падением Наполеона, казалось, падение ожидало и всю Францию.

Союзные войска вступили в Париж в полдень 31 марта 1814 года. 2 апреля было объявлено о низложении Наполеона, 11 числа того же месяца он подписал отречение и через десять дней отправился на Эльбу. Французский престол был снова занят Бурбонами в лице Людовика XVIII и его преемника Карла X, с перерывом «Ста дней», до июля 1830 года. Власть короля, согласно выработанной Талейраном конституции, ограничивалась двумя палатами, народу гарантировались в то же время свобода печати и вероисповеданий, ответственность министров, независимость и несменяемость судей. Французы не без радости ожидали прибытия короля. Все рассчитывали, что он примет конституцию и даст наконец нации возможность оправиться от погрома, не теряя результатов, добытых революцией. Вскоре появились, однако, признаки обманчивости этих ожиданий. Возвратясь во Францию, Людовик XVIII нашел прежнюю императорскую цензуру и вовсе не обнаруживал желания расстаться с этим верным средством самозащиты. Вместо свободы печати, о которой

говорилося в конституції, учреждена була цензура для сочиненій об'ємом менше тридцяти печатних листів і крупні штрафи за порушення вельми растяжимого поняття о благонамеренности. На другий день дебати по поводу закону о печати – это было в августе 1814 года, – происходили уже под прикрытием военной силы... Со свободой вероисповеданий было не лучше...

В это время раздаются первые оппозиционные песни Беранже. В начале Реставрации он занимается лишь ободрением павших духом граждан. В песне «Хороший француз» поэт призывает соотечественников к патриотизму. «Я люблю, – говорит он, – чтобы русский был русским, англичанин – англичанином, пруссак – пруссаком, будем же во Франции французами». Беранже несколько раз цитирует в этой песне слова Людовика XVIII, – «соловей с когтями орла», как называл его Берне, он нигде не показывает этих когтей. Их, однако, ожидали рано или поздно, и еще до прибытия Бурбонов ему предлагали хорошее вознаграждение, если он согласится воспеть реставрированную монархию. Автор «Короля Ивето», нападавший на Наполеона, должен был, по мнению покупателей его таланта, перейти на сторону Бурбонов. Беранже ответил им очень просто: «Пусть они дадут нам свободу вместо славы, пусть сделают Францию счастливой, я буду воспеть их бесплатно...» Ему предлагали также место цензора при «Журнале для всех». Здесь полагалось 6 тысяч франков жалованья, между тем как Беранже в качестве экспедитора получал в это время меньше двух тысяч. Академическое жалованье Люсьена он передавал, с 1812 года, своему тестю Блешаму и не переставал нуждаться. Тем не менее поэт отказался от цензорства... Он оставил за собой свободу действий, и когда из-за патриотической ширмы сторонников Бурбонов все беззастенчивее стала выглядывать их настоящая суть, Беранже написал «Прошение породистых собак о разрешении им беспрепятственного входа в Тюильри». Вместе с Бурбонами во Францию налетели целые тучи разных благородных эмигрантов, и все они хлопотали о материальном возмещении их верности, страданий и утрат. Для них-то и было написано «Прошение». На прения по поводу закона о печати Беранже ответил песней «Цензура».

1 марта 1815 года распространилась весть о высадке Наполеона на французскую землю, потом одно за другим стали приходить известия о беспрепятственном движении его на Париж. 16 марта обе палаты были созваны на торжественное общее заседание. Король в сопровождении всех членов своего дома явился на это собрание и с громкими словами о свободе, отечестве и благе народа принес присягу конституции. Граф Артуа

сделал то же от имени принцев. «Клянемся нашей честью, – говорил он, – жить и умереть, сохраняя верность конституционной хартии, которая есть залог счастья французов...» Все это произвело бы впечатление в свое время, но раньше Бурбоны медлили с конституцией, а теперь было поздно: им пришлось пережить бегство...

Возвращение Наполеона Беранже приветствовал с чувством радости, к которой, однако, примешивались опасения. Таким именно чувством проникнута его песня «Политическое руководство для Лизы». В шутовском обращении к красавице, рядом с признанием гения Наполеона, Беранже намечает здесь программу примирения императора с народом: свобода печати – «позволь, ради блага твоих подданных, смеяться над твоими промахами», уважение прав народа – «откажись, милая Лиза, от деспотизма», наконец, прекращение воинственной политики...

В конце июля 1815 года союзные войска опять появились под стенами Парижа. Как крик отчаяния у Беранже вырывается в эту пору песня «Прочь политику», а когда благородные эмигранты смелее, чем прежде, подняли свои головы, поэт заклеил их проникнутым подавляющим сарказмом «Мнением этих дам»... Только нашествие врагов и поражение Наполеона могло возратить *благородным* патриотам выгоды их прежнего положения, и Беранже выводит их под видом продажной женщины, которая с прибытием иностранцев ожидает оживления своей торговли... Вторая Реставрация постепенно сделала его явным врагом Бурбонов. Это вполне понятно, если даже Шатобриан, заклятый враг Наполеона и столь же ярый сторонник Бурбонов, счел нужным призывать правительство примириться с духом века, сохранять умеренность и признать совершившиеся факты. Говорили, что Людовик одобрил мнение Шатобриана, но реакция продолжалась. Франция быстро получала клерикальный оттенок.

В декабре 1815 года Беранже издал первый сборник своих песен. В виде предисловия он предпослал сборнику разговор цензора с поэтом Колле. В этом вымышленном диалоге поэт намекает, что сборником изданных песен далеко не исчерпывается написанное им. Он как бы дает срок своим противникам и потому удаляет из первой книжки своих стихотворений все, что могло быть принято за вызов, например «Прошение породистых собак». Он предвидел в то же время, что плоды его музыки могут быть запрещены и после такой очистки, а потому в виде предостережения влагает в уста Колле следующую фразу: «В таком случае, – говорит Колле, – я напечатаю их в Голландии под заглавием „Песни, которых не должен был пропустить мой цензор“». Но книжка была пропущена в Париже и пользовалась заслуженным успехом. Ханжи пытались было указывать на

безнравственность автора, но, говорят, Людовик XVIII ответил на это, что «автору „Короля Ивето“ можно простить многое». Сам король был любителем песен и, по рассказам, даже последние часы своей жизни проводил за чтением Беранже.

В начале 1816 года Арно, в числе других сторонников Наполеона, должен был покинуть Францию. Беранже проводил его до Буже по ту сторону Ла-Валлетты, где начиналась французская территория, занятая иностранными войсками. Вечером в номере гостиницы, прощаясь с другом, Беранже спел ему новую песню. Это были «Птицы», т. е. эмигранты, которых гонит из отечества наступившая суровая зима. Беранже ободряет изгнанников, намекая на близость весны:

Нам, птицам стороны глухой,
На их полет глядеть завидно...
Нам трудно жить – так много видно
Громовых туч над головой!
Блажен, кто мог в борьбе с грозой
Отдаться вольным парусам...
Зима их выгнала, но к нам
Они воротятся весною...

Весть об этой песне и сочувственных проводах изгнанника не замедлила дойти до начальства Беранже. Ему грозили лишением места. «В таком случае, – ответил он, – я сделаюсь журналистом. Как понравится вам это?..» Это действительно не нравилось, и его оставили в покое. Заместитель Арно, некто Птиго, тоже заступился за поэта и даже напомнил, что Беранже когда-то знал графа де Бурмона.

С 1816 года популярность Беранже возрастает вместе с его талантом. Он принимает в эту пору участие в кружке писателей либерального лагеря, в так называемом «Обществе апостолов». Для своих новых друзей он написал «Иуду». Появление этой песни прекрасно объясняется запиской графа Монтолозье о религиозной и политической системах, царивших в это время во Франции. «Конгрегация, – писал Монтолозье об иезуитах, – не довольствуется тем, что завладела министерством, полицией и почтами, но еще в интересах своего владычества ввела во всем королевстве новую систему надзора. Шпионство было в прежние времена промыслом, которому пошлые люди отдавались за деньги. Теперь же шпионства требуют как доказательства честности...» В 1817 году Беранже написал

«Бога добрых» («Dieu des bonnes gens»). Стиль поэта достигает в этой песне своей настоящей силы и выразительности, то же самое следует сказать о «Моей душе».

Период второй Реставрации – эпоха блестящего расцвета французской прессы. Несмотря на существование газетной цензуры и все усердие ее начальника Вильмена, печать становится в эту пору настоящей руководительницей общественного мнения. Сам Людовик XVIII нередко защищал свои проекты на столбцах газет и бывал очень доволен, когда узнавали его «изысканное» перо. Выдающиеся органы этого времени: «Journal des Débats», «Quotidienne», «Drapeau blanc», «Conservateur», «Constitutionnel», «National» и «Minerve». «Journal des Débats» был сторонником роялистов, но без крайностей, с искренней преданностью конституционной хартии. В этом же роде был «Консерватор», где работали, между прочим, Шатобриан и Ламеннэ. В «Белом знамени» и «Ежедневнике» группировались реакционеры. «Национал» был органом либералов, здесь сотрудничали Тьер и Минье. Но самой страстной и неумолимой в своей полемике была оппозиционная «Минерва». В числе своих сотрудников она считала Курье, Бенжамена Констана и Беранже. В 1818 и 1819 годах Беранже поместил здесь целый ряд песен, среди которых отличались особенной резкостью «Священный союз» и «Миссионеры», а «Дети Франции» – неподражаемой силою искреннего пафоса. Не нужно быть французом, чтобы представить себе впечатление, которое должны были производить эти «Дети Франции», Франции, только что пережившей всю горечь унижения:

Царица мира, Франция, – о родина моя! —
Чело твое истерзано врагами, —
Но снова подними его и, муки затая,
Гордись по-прежнему любимыми сынами!
Пусть знамя их в борьбе с врагом разбито,
Но слава их тобою не забыта!

Никогда патриотическое чувство не находило более трогательного выражения!.. Номера, содержавшие песни Беранже, всегда расходились в громадном количестве экземпляров. В 1819 году издатели предложили поэту принять участие в их прибылях, но он отказался.

Все знали уже в эту пору, куда были направлены симпатии Беранже. Правительственные органы считали его своим опаснейшим противником;

что касается его университетского начальства, то оно терпело поэта лишь благодаря покровительству Ройе-Коллара, в то время президента комиссии по народному просвещению. Однако Беранже было заявлено, что новое издание его песен повлечет за собою лишение места. Тем не менее он продолжал печатать их в «Миневре» и в то же время готовил к изданию второе собрание своих произведений. Он писал очень медленно, в год не более шестнадцати песен, ему стоило поэтому немало труда и времени набрать их значительное количество. Писатель-гражданин, он был в то же время чрезвычайно строг к своим работам в отношении их стиля.

Второй том был напечатан в октябре 1821 года. Беранже знал, что с выходом этого тома он лишится места, но решил не останавливаться перед угрозой. Среди представителей оппозиции господствовал разлад, песни Беранже должны были сплотить их в одно целое, тем более что автор предвидел судебное преследование. Книга печаталась у Фирмена Дидо в кредит, так как друзья обещали поэту значительное число подписчиков. Тем не менее Беранже почти испугался, когда вышло это издание, налагавшее на него долг в 15 тысяч франков. Но опасения поэта были напрасны, книга разошлась чрезвычайно быстро, и по уплате долга у писателя оказалась сумма в 32 тысячи франков, почти колоссальная, как он думал.

8 декабря 1821 года Беранже предстал перед королевским судом. Обвинение опиралось на шестнадцать песен: «Вакханка», «Моя бабушка», «Марго» считались оскорблением нравственности; «Благодарственная молитва эпикурейца», «Нисхождение в ад», «Мой духовник», «Капуцины», «Приходские певчие», «Миссионеры», «Добрый Бог» и «Смерть короля Христофора» – оскорблением религии; «Принц Наваррский», «Простуда», тот же «Добрый Бог» и «Белая кокарда» – оскорблением королевской особы, а «Старое знамя» – призывом к ношению недозволенного знамени, – всего четыре обвинительных пункта.

С восьми часов утра все коридоры суда были переполнены любопытными. Избранная публика с трудом пробиралась в зал заседания. Тут были герцог Брольи, барон де Сталь, депутат эрского департамента Дюпон, представители магистратуры, множество дам и адвокатов в нарядах своего сословия. Все возраставшая толпа любопытных с невероятным шумом, ломая всякие преграды, ворвалась на конец в стеклянную галерею, служившую вестибюлем, а за тем в зал заседаний. Невозможно было представить себе, каким образом попадут в этот зал не только суд и присяжные, но и сам обвиняемый. Беранже в течение часа пробивался сквозь густую толпу, говоря, как известный преступник из анекдота на

своем пути к виселице: «Господа, без меня не могут начать». Ему пришлось даже поспорить с жандармом, не желавшим пропускать обвиняемого, конечно, по недоразумению. Председатель суда Ларриё и советник Коттю, чтобы добраться до своих кресел, должны были воспользоваться окном. Наконец около полудня заседание открылось. Делу Беранже должно было предшествовать разбирательство дела о краже, но, за невозможностью ввести в зал одного важного свидетеля, это последнее было отложено. После опроса подсудимого Беранже о его имени, фамилии и звании – *отставной* канцелярский служитель министерства народного просвещения – был прочитан обвинительный акт, содержащий полные тексты «предосудительных» песен. Слово было дано генеральному адвокату Маршанжи. «Господа присяжные! – начал он свою речь. – Во Франции песня пользуется некоторого рода привилегией. Из всех видов поэтических произведений непристойность прощается ей охотнее, чем другим. Дух нации покровительствует ей, а любовь к веселью оправдывает. Спутницы радости, как она, скоропреходящие, эти легкие рифмы, казалось, вовсе не были способны сделаться оружием злорадства, и со времен Юлия Цезаря до кардинала Мазарини государственные люди очень мало опасались тех, которые пели... Такова песня или, лучше, такова была песня у наших отцов, потому что, по прошествии веков, когда во Франции умели еще смеяться, это испорченное дитя Парнаса эмансипировалось чрезвычайно странно. Благодаря безнаказанности, которою она пользовалась не один раз во время наших общественных волнений, враги порядка привлекли ее на свою сторону, согрели ее своим жаром и сделали пособницей бунта, выражением самых дерзких речей. С тех пор нечестивый сарказм сменил ее наивную веру, убийственная вражда вытеснила смех простодушной критики. Оскорбительные куплеты, при громе хохота, стали сыпаться на предметы нашего почтения и ободрять все крайности анархии: муза народных песен превратилась в одну из фурий наших общественных неурядиц...»

В этом стиле была составлена от начала до конца вся речь генерального адвоката. Оставляя в стороне вполне понятный пафос Маршанжи, следует признать его речь прекрасной характеристикой общественного значения произведений Беранже. Со своей стороны, защитник под судимого Дюпен-старший исходил из положения, что Франция всегда была «монархией, ограниченной песнями». Беранже был недоволен Дюпеном. Ему не нравилось стремление адвоката умалить значение песен. «Я предпочел бы, – говорил он, – быть повешенным врагами, чем утопленным руками друзей...» Большинство судей

относилось к поэту вполне благосклонно. Однако присяжные обвинили Беранже. Три месяца тюремного заключения и пятьсот франков штрафа должны были охладить строптивую музу поэта. Во время процесса он чувствовал себя как нельзя лучше, отнюдь не в качестве жертвы, и пока он сидел на скамье подсудимых, в зале заседаний передавалась из рук в руки его новая песня «Прощание с деревней».

Беранже отбывал наказание в тюрьме Сен-Пелажи, в той самой камере, где незадолго перед тем сидел его коллега по «Минерве» Курье. Дни заключения он провел чрезвычайно весело. Весь Париж, говоря об интеллигентных кружках столицы, спешил засвидетельствовать ему свое уважение. То же самое делала остальная Франция: поэта осаждали письмами и даже вещественными знаками любви вроде дичи, вина и прочего. «Тюрьма испортила меня!» – шутил Беранже, покидая место своего заключения. До бесплатного помещения в Сен-Пелажи он квартировал в каморке почти без мебели, вроде той, о которой говорится, что она с Богом не спорит («Наша горница – с богом не спорница»). Зимой в комнате поэта царил такой холод, что замерзала вода в умывальнике, а когда ему приходила охота писать, обыкновенно в долгие зимние ночи, чтобы спастись от стужи, он заворачивался в старое одеяло.

Не смущаясь тюремным заключением, Беранже и там продолжал свои литературные занятия – и даже с особенным успехом. Он написал в Сен-Пелажи семь песен, среди них «Свободу» и «Мое выздоровление», замечательной сатирической силы.

Беранже оставалось всего два дня до выхода из тюрьмы, когда ему стало угрожать продолжение этого заключения еще на два года. Желая пополнить сборник своих песен, урезанный судебным приговором, поэт решил издать подробный отчет о своем деле и в нем инкриминированные ему песни. Генеральный прокурор Белляр увидел в этом факт рецидива, и против Беранже и его издателя было начато новое судебное преследование. Обвинение поддерживал все тот же Маршанжи; Дюпен, с неперменным условием бесплатности своего труда, опять принял на себя защиту Беранже, а Бервиль защищал издателя Бодуана. Красноречие изменило на этот раз обвинителю, и Беранже был оправдан, хотя большинством всего в один голос. Через два дня он покинул тюрьму.

Единственным средством существования, каким он располагал в эту пору, был доход со второго издания песен. Значительную долю этих денег поэт израсходовал на Фюрси Парона и порядочную сумму передал также Юдифи: в минуты нужды она делала то же самое для поэта. В результате, отнюдь не собираясь еще умирать, Беранже далеко не чувствовал себя

обеспеченным. Богач Жак Лафитт поспешил к нему на помощь и предложил работу в своем бюро, но поэт отказался. Он изложил мотивы этого отказа в «Советах Лизы». «Заняв место, предлагаемое вам другом, – говорила поэту красавица Лиза, – вы не посмеете, старина, при громе его денежных сундуков воспеть права, не согласные с его интересами...»

В 1825 году – уже при Карле X – Беранже издал третий сборник своих песен. Главою министерства был в это время Виллель. В обществе царило убеждение, что правительство намерено примириться с результатами Французской революции. Беранже не хотел разрушать этой иллюзии и потому устранил из сборника все, что могло показаться слишком резким. «Идите, дети, – говорит он в стихотворном предисловии к песням, – но не будите никого, мой доктор прописал мне *покой...*» Конечно, и здесь Маршанжи мог найти не один повод для своего красноречия, более того, поэт оказывался в новом сборнике несомненно явным рецидивистом. Он был обвинен по четвертому пункту за призыв к трехцветному знамени. Теперь он делает то же самое, он повторяет этот призыв. В песне «Старый сержант» поэт рисует воина из «стаи славной наполеоновских орлов». Искалеченный пулею вояка сидит на пороге хижины и, стараясь забыть несчастья, с улыбкой качает на руках двух близнецов-малюток... Вдруг он слышит гром барабана, он смотрит вдаль: там маршируют батальоны... Кровь приливает к лицу ветерана, его точно колет какая-то игла. «Увы! – вдруг восклицает он печально при виде знамени, реющего над войском. – Я не знаю этого знамени! Ах, дети, если вы *отомстите* когда-нибудь за отечество, Бог пошлет вам славную смерть!..» Едва ли нужно говорить, о каком знамени вздыхал солдат Наполеона... Смерть императора 5 мая 1821 года среди недовольства, царившего во Франции, окружала пленника Св. Елены настоящим ореолом мученика; тем опаснее казалось напоминание о нем в произведениях такого популярного писателя, как Беранже.

Несмотря на добровольную умеренность поэта, полиция осаждала типографию, где печатались его песни, и хлопотала о новых уступках. Ей помогал в этом деле издатель песен Ладвока. Он боялся процесса и вместе с ним разорения, а потому не переставал упрашивать Беранже отказаться от последнего куплета в песне «Галльские рабы»... Эти «Галльские рабы» были мрачной, но верной картиной Франции при Бурбонах. Точно похоронный звон, за каждым куплетом песни повторяется припев: «*Enivrons-nous! Enivrons-nous!*» (Будем пить! Будем пить!). Бедные рабы, дети древней Галлии, однажды вечером, когда все спали, похитили из погребов десятую долю своего владыки – притеснителя... Веселое настроение овладевает ими. «Ах! – говорит один из них. – Нам начинают

завидовать, раб становится королем, когда спит его владыка. Будем пить! Будем пить! Будем пить!.. Всякая надежда погибла, перестанем считать наши беды, молот тирана кует на алтарях наши оковы... Всемогущий Боже, какой пример даете вы опекаемому вами миру?.. Жрец приковывает вас к колеснице королей. Будем пить! Будем пить! Будем пить!»... Именно эта песня внушила ужас издателю Беранже. Не добившись от писателя согласия на устранение последнего куплета «Галльских рабов», Ладвока устранил опасное место по своей воле. Судебное преследование против него все-таки было начато, но правительство до того боялось поднимать шум из-за этого, что все велось келейно, почти домашним образом, без привлечения к ответственности самого автора.

Куплет, который так пугал издателя, был обращен поэтом к депутату Манюэлю. «Любезный Манюэль, – говорилось там, – будь другое время, разве стал бы я рисовать мрачными красками картину наших дней? Ты был красноречив и мужествен, мы были глухи и неблагодарны. Но ради отчизны твоя добродетель презирает опасности...» У этого куплета своя история... Беранже познакомился с Манюэлем в 1815 году. Депутат и адвокат по профессии, этот друг поэта был одним из талантливейших представителей либеральной партии. Как оратор он отличался разительной логикой. Отсюда – усилия врагов лишить его звания депутата, окончившиеся скандальным для них выбором его в Вандее, в этом очаге роялизма. Роялисты не могли забыть этой обиды и в 1823 году, во время прений по испанским делам, добились удаления его из палаты. Манюэль настаивал тогда на невмешательстве, он говорил, что объявление войны Испании лишь ухудшит положение ее короля и даже грозит ему участью Людовика XVI. Он напомнил затем палате совсем забытые ею принципы великой Французской революции. Манюэля заглушили крики и настоятельные требования о его удалении. Напрасно президент палаты уверял противников Манюэля, что депутат Вандеи оставался все время в пределах своих парламентских прав, он должен был уступить желанию большинства и удалить Манюэля. Тот удалился, но пришел в палату на следующий день и объявил, что он уступит только силе. Сержант Мерсье, которому было приказано вывести депутата, отказался исполнить приказание. Манюэля вывели жандармы, а вместе с ним палату покинули все представители либеральной партии.

На этом кончилась политическая карьера Манюэля. Он умер в августе 1827 года. Беранже обязан ему тесным сближением с деятелями Июльской революции.

Вскоре после выхода из Сен-Пелажи Беранже принял участие в

«Обществе друзей печатного слова» и в непродолжительном времени занял здесь первенствующее положение. Un faiseur des chansons – составитель песен – он был настоящим руководителем таких людей, как Тьер, Минье, Лафитт, Лафайет и другие. В 1824 году, вместе с Манюэлем и генералом Себастиани, Беранже составил план коалиции оппозиционных членов палаты и таким образом положил начало революционному движению 1830 года. Вся Франция кишела в это время различными тайными обществами, и Беранже отовсюду получал приглашения принять участие то в том, то в другом. Он предпочитал действовать явно и потому записался лишь в члены общества «На Бога надейся, а сам не плошай» («Aide-toi et le-ciel t'aidera»). Оно образовалось в 1824 году с главной целью – поддерживать в народе интерес к политике и образовать оппозицию ультрароялистам. Делами общества заведовал комитет сначала из четырнадцати, потом из двенадцати членов. Кроме Беранже, здесь сходились еще Тьер, Минье, Ремюза, республиканцы Кавеньяк, Бастид, Тома и другие. Органом общества был «Глобус», а затем, после прекращения «Глобуса» – «Национал». Беранже вел себя здесь вполне независимо. Когда сочлены благодарили его за сочувственные делу песни, он отвечал: «Не благодарите меня за песни, которые я пишу против наших врагов, благодарите за те, которые не пишу против вас...»

15 октября 1828 года Беранже издал четвертый сборник своих произведений. Министерство Мартиньяка создало в это время что-то вроде мира между партиями, и друзья поэта не советовали ему нарушать этот мир изданием песен. Советы были в большинстве небескорыстны: их податели метили в министры... Беранже был против слияния партий: это могло, по его мнению, укрепить Бурбонов, и этого-то именно он вовсе не желал. Он не принимает на этот раз никаких предосторожностей и вводит в сборник песни самого убийственного сарказма. Привлечение к суду было неизбежным, и в ожидании этого привлечения поэт отправился в небольшую поездку. 5-го декабря, находясь в Гавре, он узнал о начале процесса и поспешил в Париж. Правительство не менее друзей поэта боялось этого процесса. Наказание предвиделось тяжкое, тем сильнее должна была почувствовать Франция, насколько ненормальна окружающая ее атмосфера. Со своей стороны, Лафитт опасался за здоровье почти пятидесятилетнего поэта и стал хлопотать об уменьшении предстоявшего наказания. Министры не замедлили согласиться, они обещали минимум кары, если писатель откажется от защиты. Как только Беранже узнал об этих переговорах, он поспешил уведомить Лафитта о полнейшем несогласии идти на компромисс.

10 декабря 1828 года Беранже появился перед судом исправительной полиции. Обвинение опиралось на три песни: «Ангел-хранитель» рассматривался как оскорбление религии, «Коронация Карла X» и «Бесконечно малые» – как оскорбление личности короля и королевского достоинства вообще и как возбуждение ненависти и презрения к правительству. К величайшему неудовольствию короля, «инкриминированные» песни появились в вечерних газетах в самый день судебного процесса, и притом в газетах вовсе не либеральных. Один правительственный орган в виде извинения объявил, что решение по второму делу Беранже – дело о рецидиве 1822 года – признало законной такую перепечатку и что либеральные газеты все равно воспользуются этим правом. В этой «искренности» не хватало главного: номера с «инкриминированными» песнями разбирались публикой нарасхват и приносили в карманы издателей весьма солидное приращение...

Защитником Беранже на этот раз был начинающий адвокат по фамилии Барт. Дюпен опять предлагал свои услуги, но Беранже отклонил это предложение, так как прежний его защитник был в это время депутатом. Поэта приговорили к девяти месяцам тюремного заключения и к штрафу в 10 тысяч франков. По новому приговору Беранже отбывал наказание в тюрьме Лафорс с 21 ноября 1828 года. Денежный штраф был уплачен почитателями писателя, те же почитатели один за другим посещали поэта в его заключении, между прочим молодое поколение литераторов: Виктор Гюго, Дюма, Сент-Бев и другие. Сидя в тюрьме, Беранже продолжал писать свои песни; в песне «Четырнадцатое июля» он вспоминает годовщину разрушения Бастилии, в «Десяти тысячах франков» он жестоко смеется над своими врагами и больше всего над царившими в то время иезуитами. На эту же тему написана им песня «Кардинал и поэт». Представители духовенства, не довольствуясь назначенной карой, не могли простить поэту многократного внимания, которое он оказывал их сословию. Они хорошо помнили «Миссионеров» и теперь принялись метать молнии по адресу Беранже. Архиепископ Тулузский Клермон-Тоннер перед наступлением поста обнародовал обширное послание, где с благочестивым негодованием говорил о поэте. То же сделал проповедник в одной из главных церквей Парижа: он напомнил своим слушателям, что кара, постигшая Беранже на этом свете, – ничто в сравнении с муками, которые ожидают его в аду. Даже в маленькой Перонне – и там гремела «маленькая речь» по адресу нечестивого поэта...

29 сентября 1829 года Беранже покинул Лафорс. Почти через десять месяцев после этого Карл X лишился престола. Пока продолжалась борьба

против Карла, Беранже не переставал ободрять защитников свободы, когда же победа революции стала очевидна, он первый пришел к мысли о передаче власти в руки герцога Орлеанского, Людовика-Филиппа. Симпатии Беранже были на стороне республики, но, умудренный опытом, он чувствовал, что Франция была еще не готова для этой формы правления. Он решил настаивать на промежуточной форме монархии, основанной на широких конституционных началах, и потому указал на Людовика-Филиппа.

Когда его идея осуществилась и большинство его друзей заняло более или менее высокие посты, он один, по собственному желанию, остался в стороне от этих устремлений. Напрасно новый король выражал желание видеть поэта как виновника своего избрания: автор «Придворного платья» остался тверд в своем давнем решении не облачаться в этот костюм. «Моя роль, – писал он в это время своей тетке в Перонну, – закончилась самым фактом торжества идей, которые я защищал и провозглашал на свой страх в течение пятнадцати лет; я скоро вернусь опять в неизвестность, о которой так часто сожалел с тех пор, как пользуюсь популярностью. Я сказал сейчас, что, лишая престола Карла X, лишили того же одновременно и меня. Это верно буквально: заслуга моих песен уменьшается на три четверти. Я вовсе не способен печалиться этим, раз вижу, что выигрывает от этого моя отчизна. Остаток моей славы я отдам на обеспечение ее счастья. Патриотизм всегда был у меня господствующей страстью, мой возраст ничуть не ослабил ее силы...»

Глава IV. Последние годы

Беранже вдали от политики. – Отказ от кандидатуры в академики. – Издание песен 1833 года. – Предисловие. – Значение идиллий Бера же. – Общий взгляд на песни Беранже. – Прозаические произведения писателя. – Припадок атавизма. – Взгляд Беранже на Июльскую монархию. – Вторая республика. – Отказ Беранже от политической деятельности. – Беранже и Наполеон III. – Последние песни. – Последнее жилище поэта. – Внешний вид поэта. – Смерть Юдифи. – Последние минуты поэта. – Похороны. – Заключение.

После 1830 года Беранже почти не живет в Париже. Он перебирается сперва в окрестности столицы, в Пасси у Булонского леса, потом в Фонтенбло и наконец в Тур. После многих лет борьбы он начинает искать покоя. Друзья, желая чем-нибудь отблагодарить поэта, предлагали ему записаться в кандидаты на академическое кресло. Но Беранже отказался. В письме к Леброну он объясняет этот отказ нежеланием связывать себе руки. Чувство благодарности он всегда рассматривал как долг: избрание в Академию не замедлило бы наложить на него этот долг в отношении его коллег и вместе с тем чувствительные оковы – на его музыку. «А между тем, любезный друг, – писал он Леброну, – я ношусь с про изведением, которое не может быть написано в академическом стиле...»

В 1833 году Беранже издал полное собрание своих сочинений. В прекрасном предисловии к этому изданию он излагает свое profession de foi. «Мои песни, – говорит он, – это я (Mes chansons, c'est moi)». Поэт был верным отражением современной ему эпохи, он брался за перо только тогда, когда чувствовал потребность высказаться. «Вы говорите, – пишет он Ламеннэ, – что есть люди, которые уже рождаются с сердечною раной. Вполне ли вы уверены в этом? Я думаю иначе: мы, писатели, большие или малые, философы или составители песен, мы рождаемся с чернильницей в мозгу. Чернила не перестают наполнять ее, и если мы оставляем в покое наше перо, они льются через край и окрашивают наши чувства. Наше настроение делается мрачным, – люди, вещи кажутся нам черными, мир, вся природа внушают нам ужас. Но будем пользоваться жидкостью нашей чернильницы, станем исписывать бумагу. Наш ум сейчас же проясняется в таком случае, воображение становится чисто, а также и наши произведения, будь даже они произведениями мизантропа. Настроение духа, увлеченное работой, не замедлит залечить ту рану, о которой вы

говорите...»

В первом собрании своих сочинений, 1815 года, оставшемся ненапечатанным, поэт хотел собрать свои идиллии. Как ни стар кажется этот род литературы, Беранже культивировал его на заре своей славы, отнюдь не повинуюсь чувству подражания. Причина его склонности к идиллиям лежала гораздо глубже. Ученик Вольтера, он в такой же степени был поклонником Руссо. Он дополнял этих писателей одного другим и, не разделяя их крайностей, гармонично сливал в себе их стремления к благу человечества, столь различные, по-видимому, в своих направлениях. Как Вольтер, он ненавидел все, что стремилось сковать человеческую личность, если дело не шло о действительно желательных принципах – свободе, равенстве и братстве; как Руссо, он стоял за опрощение жизни. В этом источник его идиллий. Он понимал опрощение не в отрицании прогресса, а в равномерном распределении его благ, как бы далеко ни продвинулся он (прогресс) среди всех общественных сил. Простота жизни была для него синонимом свободы, равенства и братства. Беранже поэтому был слишком скромн, когда говорил, что его роль окончилась вместе с падением Бурбонов. Устранившись от непосредственного участия в делах Июльской монархии, он не переставал следить за судьбами отечества. По его мнению, для Франции наступал с этих пор новый период – период заботы о благе народа. «Эти господа, – писал он в ту пору, говоря о государственных деятелях, – хотят пользоваться услугами народа, а не служить ему самому». В песне «Жак», в издании 1833 года, поэт рисует печальное положение крестьянина, обремененного тяжестью налогов; в песне «Бродяга» он призывает к социальным реформам и ставит на первое место заботы о народном образовании. Будущий император Наполеон III, в эту пору либерал и даже «печальник народного горя», прислал поэту свою брошюру «Уничтожение пауперизма». «Идея, – отвечал ему Беранже, – которую вы вложили в эту краткую брошюру, одна из тех, которые наилучшим образом могут способствовать увеличению благосостояния рабочих и промышленных классов... Совершенно случайно, – и я горжусь этим, – мои собственные утопии странным образом *совпадают* с развиваемыми вами...» Итак, Беранже занимают в эту пору мечты о благосостоянии народа. Поэта так увлекают эти мечты, что, по его собственному выражению, «когда-то молчаливый», он становится «болтуном». «Любезный друг, – писал он Ламеннэ 14 февраля 1841 года, – улучшение судьбы низших классов и даже всех вообще классов народа становится моею постоянною мечтою, считать ее возможной – моя иллюзия, и отсюда *та система, более или менее полная, которую я вам так долго развивал...*»

Сам мечтатель, Беранже с восторгом приветствует в песне «Безумцы» других мечтателей о всеобщем благе:

Господа, если к правде святой
Мир дороги найти не умеет,
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой!
Если б завтра земли нашей путь
Осветить наше солнце забыло —
Завтра ж целый бы мир осветила
Мысль безумца какого-нибудь!

«Мои песни – это я», – говорил поэт о своих произведениях; он мог смело сказать то же самое о своих письмах. Он вел чрезвычайно обширную переписку и можно только удивляться тому обилию ума и знания, которое рассыпал здесь этот человек, в науке почти самоучка. Начнет ли он судить о литературе, о событиях дня, он всегда высказывает мысли, полные оригинальности и в то же время в такой же степени верные. Здесь прекрасно обнаруживается, между прочим, гуманная натура этого писателя. Отказываясь постоянно от личных выгод, он в целом ряде писем хлопочет о помощи то тому, то другому и очень сожалеет, что его влияние на сильных мира не позволяет ему сделать большего. Когда забытый всеми автор «Марсельезы» Руже де Лиль впал в крайнюю бедность и за долги был посажен в тюрьму, Беранже поспешил уплатить его кредиторам. Вот образчик суждений поэта о женщине. «Рожать детей для отчизны, – пишет он, – только половина той роли, которая назначена женщине. Она должна дать отчизне *людей*. Необходимо поэтому, чтобы женщина имела ясное представление об интересах своего отечества... У нас же, где мужчина так часто вдохновляется около прекрасного пола, вдвойне необходимо, чтобы этот пол имел достаточно сведений для управления теми, которые вручают ему право руководства».

Говорить о каждой песне Беранже или только о шедеврах его в этом роде – значило бы в куче жемчуга перебирать каждое зерно... В небольшом очерке это было бы совершенно нежелательно. Необходимо все-таки бросить общий взгляд на эти произведения... Небольшие размером, по содержанию это целые поэмы, где музыка стиха и художественные достоинства набрасываемой автором картины напрасно оспаривали бы друг у друга пальму первенства. Их автор является то бытописателем, то

проповедником, то философом; гнев сатиры сменяется у него простодушным смехом, и тот и другой – выражением глубокой любви к человечеству и родине.

Стремление к свободе он воспевает не в одних только пределах Франции: героическая борьба Греции за свою самостоятельность вызывает у него не менее восторженные песни. В далеком будущем он провидит братство народов и с жаром приветствует поэтому все, что приближает людей к этому золотому веку в тумане грядущих веков. Он постоянно проникнут верою в человечество. В «Четырех исторических веках» он делает обзор прошедшего, настоящего и будущего и приходит к выводу, что человечество непрерывно стремится к торжеству свободы, равенства и братства, что бы ни говорили скептики, по словам поэта – «эхо старого времени»... Просто «смертные» в первом историческом веке, разумные существа становятся во втором «людьми», в третьем – «народами»... Связь между ними все растет и растет. «Будьте братьями», – говорит им Бог, и они становятся этими братьями в четвертом веке...

Беранже часто укоряли в безнравственности некоторых из его песен. В этом была вина не писателя, а жизни. Он не считал нужным молчать, когда дело касалось этих сторон общественной жизни; с другой стороны, он далеко не вполне разделял добродетельную строгость своих судей.

«Как автору песен, – пишет Беранже в том же предисловии 1833 года, – мне необходимо ответить на одну критику, повторение которой я вижу вот уже много раз. Меня упрекают, что я искажил природу песни, сообщив ей тон более возвышенный, чем тон Колле, Панаров и Дезожье. Я имею дерзость утверждать последнее, потому что в этом именно заключается, по моему, причина моего успеха. Прежде всего замечу, что песня, как многие другие виды литературных произведений, – это настоящий язык, и подобно ему способна принимать самые противоположные оттенки. Прибавлю к этому, что с 1789 года, когда народ стал вмешиваться в дела государства, патриотические чувства и идеи получили самое широкое развитие, доказательство – наша история. Песня, как принято говорить, – выражение народных чувств, должна была возвыситься с этих пор до отражения, смотря по надобности, радостей или печалей многочисленного класса людей. Вино и любовь могли доставлять отныне только *рамку* для идей, волновавших народ со времени его просветления; *честь* быть автором песен, *распеваемых по кабачкам* нашими ремесленниками и солдатами, могла быть получена теперь не одними только куплетами об обманутых мужьях, ненасытных прокурорах и „барке Харона“...»

Беранже никогда не переставал заботиться о внешней форме своих

произведений: он буквально «работал» над этими произведениями. Он был поклонником формы, но лишь как средства сильнее подействовать на читателей намеренно вложенной в эту форму идеей. Действительно, в то время как другие художники способны вкладывать в свои произведения лишь известные, излюбленные ими, идеи, Беранже чрезвычайно разнообразен в выборе своих сюжетов. Его муза идет в ногу с движением современной жизни, «его тома накапливаются по мере того, как совершается прогресс». Это собственные слова поэта. Не муза водит его как слепого, он водит эту музу. Художник до мозга костей, он в такой же степени тенденциозен. Нужно, по его мнению, молчать или быть сдержанным – он молчит или только сдержан; нужно действовать – он действует. Принципы восторжествовали, нужно сделать их общедоступными, нужно поднять народ, и поэт сейчас же меняет содержание своих песен, но по-прежнему остается художником... «Первый долг честного человека, – говорил он, – употреблять свои способности на пользу ближних. Человек, способный к педагогической деятельности, пусть учит, способный судить, – пусть судит, способный лечить, – пусть лечит...»

Не меньше, чем в безнравственности, Беранже обвиняли в бонапартизме. Лучшим опровержением этого может служить история его песен. Когда Наполеон был на вершине славы и могущества, Беранже атакует его «Королем Ивето». Если это бонапартизм, то очень странный. Беранже воспеваает Наполеона, но только Наполеона-изгнанника, брошенного на скалу Св. Елены. Император был для него в это время синонимом свободы. Хвала Наполеону была в это время порицанием и гибелью для Бурбонов, и поэт хвалил и хвалил, пока Бурбоны не лишились престола. В осознании славы своего отечества он всегда считал лучшим средством поддерживать в народе чувство солидарности и преданности общему делу. В этом другая причина, почему Беранже воспеваает Наполеона, и этим исчерпывается его бонапартизм. «Возрастающий деспотизм империи, – говорит он, – никогда не ослеплял меня».

В 1837 году, находясь в Туре, Беранже принялся за составление для народа учебника политической и социальной морали. Он хотел написать его в форме Сервантесова «Дон Кихота». Ставший результатом забот поэта о просвещении народа, этот труд не был, однако, окончен. Поэту в это время шел 57-й год. Он никогда не считал себя хорошим прозаиком, тем более достойным написать для народа, и несмотря на страстное желание привести свой план в исполнение, был принужден отказаться от него. В 1839 году Беранже принялся за свою автобиографию, которую окончил в сороковом. Около этого же времени он затеял «Словарь знаменитых

современников» и сборник песен для народа, но бросил и то и другое. С сороковых годов Беранже начинает считаться со своим возрастом: силы его стали падать.

Если справедливо мнение, что сумасшедшие предки могут иметь гениальных или талантливых потомков, то Беранже только в этом мог считаться до сих пор сыном своего отца. Но в 1840 году фатальная сила наследственности дает себя знать, у поэта обнаруживаются в это время несомненные признаки атавизма. Беранже де Фермантель и Беранже де Мерсис, первый – прадед, второй – отец поэта, оба пережили внезапные взрывы наследственного помешательства, родовую манию величия. Отцы семейств, они вдруг бросили свои занятия и стали гоняться за призраком аристократизма, у Беранже де Мерсиса этот кризис был слабее, чем у Беранже де Фермантеля: под влиянием благоприятных условий сила наследственности, очевидно, теряет значительную долю своей власти... Беранже-поэт, как известно, родился хилым, постоянно страдал головными болями и в двадцать лет был почти совсем плешив. Никто не думал, что он перевалит за третий десяток, но ему это благополучно удалось. Сила воли покидает его в эту пору только раз, в 1809 году, он подумывает тогда о самоубийстве; но условия его жизни улучшились, и поэт опять вошел в свою колею. Напряженная литературная деятельность, политическая агитация, два тюремных заключения, наконец, годы – не замедлили, однако, поколебать душевное равновесие поэта. В конце апреля 1840 года Беранже встретился с одной иностранкой, – биографы не называют ее имени, – и вдруг влюбился в нее. Шестидесятилетний старик под влиянием этой страсти, подобно Беранже де Фермантелю, бросил дом, друзей, литературу и бежал в Фонтенэ-су-Буа. Никто не знал, где искать его, между тем как он терзался в своем убежище над вопросом – жениться или нет на очаровательной иностранке. Он провел в Фонтенэ-су-Буа почти целый год и постепенно овладел собою.

В апреле 1841 года Беранже опять живет под одной кровлей с Юдифью в деревне Пасси, около Булонского леса. Вдовы Тюрбо в это время уже не было в живых. Путешествия поэта в Перонну прекратились. Он вообще редко покидает в это время свое жилище. Визиты в Ружпьер к Дюпону и молодому писателю Жозефу Бернару – впоследствии автору книги «Беранже и его песни» – в деревню Сель-Сен-Клу были единственными путешествиями поэта. Он опять принимается в это время за свои песни и в 1842 году издает новый сборник.

«До Июльской революции, – писал Беранже в 1833 году Люсьену Бонапарту, – я предугадывал невозможность утвердить в стране равенства

английскую систему конституционной монархии. Она не может обойтись без опоры на привилегированное сословие. После этой революции я был убежден, что Франция не созрела для республики».

Вот почему хлопотал Беранже о престоле для герцога Орлеанского. Это был, по его мнению, мост с берега настоящего на берег будущего. Незадолго до 1848 года, – идея поэта приближалась уже к своему осуществлению, – он издает песню «Потоп», этот реквием французской монархии, тот самый, который похвалил когда-то Люсьен Бонапарт. Пророчество поэта сбылось – в 1848 году во Франции водворилась Вторая республика.

Французы не забыли писателя, столько лет призывавшего эту республику: они избрали его в Национальное собрание. Беранже вовсе не имел этого в виду и подал просьбу о снятии его кандидатуры. «Мои шестьдесят восемь лет, – писал он в своей просьбе, – мое изменчивое здоровье, привычки моего ума, характер, испорченный дорого купленной, но продолжительной независимостью, делают для меня невозможной слишком почетную роль, предлагаемую вами, любезные сограждане. Я могу жить и думать только в уединении. Я умоляю вас поэтому, оставьте меня в моем уединении. Вы говорите, – я был пророком. Хорошо, но пророку приличествует пустыня! Петр Пустынник был самым плохим предводителем крестового похода, который он проповедовал так мужественно. Оставьте меня умереть, как я жил, не превращайте в плохого законодателя вашего друга, доброго и старого певца». Несмотря на отказ поэта, он был избран и получил 204471 голос. В Национальном собрании он пробыл, однако, всего несколько дней и повторил свою просьбу избавить его от этой обязанности. Национальное собрание отклонило эту просьбу, и только после долгих настояний Беранже получил увольнение. Вместе со своим другом Ламеннэ он занял после этого место в *Commission des offrandes à la patrie*^[2]. Каждый день целые толпы граждан приходили в Елисейский дворец, чтобы посмотреть на поэта среди его занятий по делам комиссии. Его популярность в народе нисколько не уменьшалась, но в интеллигентных кружках начинали уже поговаривать, что Беранже «изменил республике». Автор книги «*Les poètes de combat*» («Поэты-воины») Лоран Пиша тоже укорял писателя. «Беранже, – говорит он, – мог вступить в члены Национального собрания, не насилуя ни своей совести, ни убеждений». Лоран Пиша полагал, что Беранже мог бы избавить таким образом Францию от зловония Второй империи... Но дело в том, что автор «Потопа», по всей вероятности, был далек от мысли об этой империи и если отказывался от участия в работе Национального собрания, то

единственно из-за сознания своей неспособности. Он проповедовал республику, как Петр Пустынник крестовый поход, и в то же время не хотел повторить ошибки этого последнего. Если можно в чем укорить «старого республиканца», так это за молчание, которое он хранил во время переворота 2 декабря 1852 года. Он не изменял, как говорили тогда, свободе, но он молчал. Он пользовался и тогда такой популярностью, в сравнении с которой значение Виктора Гюго равнялось нулю; но Гюго протестовал и удалился в изгнание, а Беранже взирал на события отчасти как философ. «Наполеон III, – писал он 3 июля 1853 года, – сыграл роль Октавия, сыграет ли он роль Августа, – не знаю. Надо *подождать*, чтобы здраво судить об этой личности. Канат, на который он взмогнулся, недостаточно прочен для рискованных предприятий. Я хотел бы видеть Наполеона всецело (*corps et biens*) преданным демократии, но, как кажется, у него не хватит на это мудрости. *Если бы он сумел польстить крестьянам*, он утвердил бы свою династию лет на сто. Крестьяне – вот главная опора всякого нового правительства. Крестьяне будут защищать Наполеона не столько из любви, сколько ради интереса. Они составляют массу в двадцать или двадцать два миллиона, – это страшная армия, которую прекрасно было бы иметь в своей власти».

Эти рассуждения поэта можно объяснить его постоянным преклонением пред логикой событий. Характерный образчик подобного преклонения он дал в 1830 году, создавая мост между монархией и республикой. В 1852 году он мог рассуждать точно таким же образом: раз Франция принимала императора Наполеона III, значит, она хотела этого, а не республики. Враги и бывшие друзья поэта не хотели знать подобных рассуждений. На закате своих дней Беранже пришлось даже выслушивать заявления, что он находится на пенсии у императорского правительства. Сплетня не щадит в это время популярнейшего поэта. В 1848 году в газетах появилось известие, что он женился на «своей служанке», – так называлась в статье девица Фрэр. Беранже ответил на это письмом в редакцию, полным достоинства, где поневоле принужден был рассказать читателям о своей дружбе с Юдифью. Письмо было написано в Пасси.

В 1850 году – опять в Париже – поэт написал свои последние песни, между прочим, «Прости», трогательное заключение его славной литературной карьеры:

Час близок. Франция, прости, я умираю.
Возлюбленная мать, прости. Как звук святой,
Сберег до гроба я привет родному краю.

О! Мог ли так, как я, тебя любить другой?
Тебя в младенчестве я пел, читать не зная,
И видя смерти серп, над головой почти,
Я, в песне о тебе дыханье испуская,
Слезы, одной твоей слезы прошу.
Прости! Когда стонала ты в руках иноплеменных,
Под колесницами надменных королей,
Я рвал знамена их для ран твоих священных,
Чтоб боль твою унять, я расточал елей...

Смерть приближалась уже к поэту. В 1851 году он жил в Париже на улице Вандом. Вот как описывает Ламартин это последнее жилище Беранже: «После того как привратница, – она, казалось, чувствовала достоинство и ответственность хранительницы спокойствия любимого народом философа, – указала вам его квартиру, вы поворачиваете направо под небольшой свод и оказываетесь у первых ступеней деревянной лестницы. С площадки на площадку вы подымаетесь по некрутым ступенькам и достигаете последней. Над вами лишь крыша да небо. Перед вами длинный и широкий коридор с многочисленными дверями направо и налево. В конце коридора вы у помещения мудреца. Вы звоните. Женщина, лет восьмидесяти, с чертами благородства и минувшей красоты, указывает вам жестом на следующие двери. Вы опять в темном коридоре. Отраженный свет указывает вам в глубине коридора небольшую комнату с постоянно открытою дверью. Вы минуете эту комнату и вступаете в другую. Это и есть жилище отшельника. Кровать, диван, круглый стол, где журналы и брошюры в указанный час уступают место бутылке и утреннему завтраку, камин, в его глуби небольшой огонь в куче золы. На стене – несколько гравюр, домашние боги сердца поэта: Манюэль, Лафитт, Шатобриан и Ламеннэ, бюст Ламартина и маска Наполеона».

Беранже мало походил на сохранившиеся его портреты, у него были большие глаза, несколько навывкат, то грозные, то ласковые, высокий и могучий череп, большая голова с причудливыми выпуклостями. «Очертание его рта, – пишет Лапуент, поэт-сапожник, – было особенно замечательно: едкая, но сдержанная ирония, сладострастное выражение, смягченное улыбкой, составляли его отличительные черты. Оконечности губ обнаруживали гибкость, тонкость и возвышенность ума. Когда он смеялся задушевым смехом, на его губах являлось выражение непринужденной, наивной, детской веселости. Мне кажется, что я

постоянно буду видеть перед собой его голову, слегка наклоненную налево, и его задумчивое чело, как в те минуты, когда он нам объяснял прошлое или старался угадать будущее силой своего глубокого взгляда и высокого разума. Да, он всегда мерещится мне в своем синем шлафроке, в зеленой греческой феске и в вышитых туфлях. Я еще вижу его длинные, когда-то белокурые, но теперь уже седые волосы, его полное цветущее лицо, его резкие, как у простолюдина, черты...»

Болезнь впервые дает о себе знать Беранже в 1851 году. Через четыре года она приняла уже угрожающую форму: поэт страдал гипертрофией сердца, осложненной болезнью печени. По временам он стал терять память, силы его падали с каждым днем. Смерть Юдифи 8 апреля 1856 года еще более ухудшила его положение. Девушка Фрэр умерла от рака желудка. Незадолго до ее смерти поэт обратился к ней с вопросом, не желает ли она видеть священника, но она отвечала отказом. Беранже с трудом проводил ее до церкви и хотел проводить до могилы, но силы покинули его, и с глухими рыданиями, опираясь на друга, поэт возвратился в свое опустевшее жилище.

В мае 1857 года он дополнил свое завещание, где просил похоронить его без всякого шума и даже известить газеты о его смерти лишь по совершении погребения. В июне того же года у Беранже стал помрачаться рассудок; пустынная улица Вандом не переставала оживляться многочисленными группами поклонников поэта, спешивших узнать о его здоровье. Тьер, Минье и Лебрен бывали у постели больного каждый день. Их присутствие оживляло его, к нему возвращалось сознание, и он довольно весело беседовал с друзьями. «Знаете, как я называю вас, Беранже? – говорил ему Тьер. – Я вас называю французским Горацием». «Что-то скажет на это римский!» – с улыбкой ответил поэт. «Беранже, – говорил Минье, – мы увидимся с вами на небе». «Да, так говорят, – отвечал поэт, – и я надеюсь». Такие минуты просветления случались очень редко.

С разрешения архиепископа Беранже посетила в это время его сестра-монахиня. Она пришла в сопровождении другой монахини, свидание было непродолжительным и больше не повторилось. Есть основание думать, что духовные пастыри пытались спасти погибшую душу поэта, а неудача попытки лишила сестру счастья присутствовать у постели умирающего. Беранже посещал также священник его прихода, аббат Жусселен, старый знакомый еще в Пасси. В одно из последних свиданий, прощаясь со священником, поэт сказал ему громко: «Ваша обязанность дает вам право благословить меня, я также благословляю вас. Молитесь за меня и за всех несчастных, моя жизнь была жизнью честного человека, я не помню

ничего, что заставило бы меня краснеть пред Богом...»

Ночь с 15 на 16 июля была сплошным страданием поэта. Наутро собиралась гроза, на улице и в комнате больного была нестерпимая жара. Во дворе дома толпились почитатели, в комнатах – ближайшие друзья: Перротен, издатель сочинений Беранже, Антье, муж и жена, академик Лебрен, молодой писатель Поль Буато и другие. Больной сидел в большом кресле посреди комнаты. Дыхание его было медленным, изнурительный пот выступал на лбу, взгляд был блуждающим, бессознательным. Доктор Труссо объявил, что пульс замедляется и близок конец. В тридцать пять минут пятого, 16 июля 1857 года, после долгих предсмертных мучений, поэт успокоился навеки. Едва только успел он испустить последнее дыхание, как министр внутренних дел поспешил объявить опечаленному Парижу, что государство принимает на себя заботу о похоронах Беранже. Полицейский префект, сенатор Пьетри, поспешил с объявлением о похоронах поэта. «Франция, – писал префект, – только что потеряла своего национального поэта! Правительство императора желает воздать публичные почести памяти Беранже. Эта благочестивая почесть должна быть отдана поэту, песни которого, посвященные восхвалению отечества, помогли увековечить в сердце народа воспоминание об *императорской* славе...» Суть дела следовала дальше. «Я узнал, – говорил дальше префект, – что люди партии видят в этом печальном торжестве только случай возобновить беспорядки, которыми сопровождалась в прежнее время подобные церемонии. Правительство не допустит такой шумной манифестации во время почтительного и патриотического траура похорон Беранже...» Пьетри опирался на волю поэта: «Что касается похорон, если можете избежать шума, сделайте это...»

Похороны поэта состоялись на следующий день после смерти. Войска стояли шпалерами на пути печальной процессии, за ними толпился народ, опечаленный смертью писателя и изумленный быстротой его погребения. Речей не было, если не считать возгласов из среды народа и с балконов на пути процессии: «Слава, слава Беранже!..»

Вражда, поднимавшая голову уже при жизни поэта, вскоре после его смерти обнаруживает всю свою ярость. Клерикальные противники поэта – Вейльо, Понмартен – пытаются забросать грязью не только произведения, но и личность самого писателя. С другой стороны, новые литературные деятели Франции начинают относиться к поэту с какой-то пренебрежительной снисходительностью... Они забывали тот восторг, чуждый всякой зависти, с которым Беранже приветствовал каждый признак литературного прогресса своей родины. «Никогда стих, – писал Беранже

при появлении „Жоселена“ Ламартина, – не поддавался с большей легкостью и истиною описаниям и рассказам, самым трудным, всегда сохраняя свое изящество и гармонию. Это был великий прогресс нашей поэзии: с этих пор она может *все сказать и все описать...*»

Причину нападков реакции на Беранже нужно искать в духе времени. Франция Наполеона III быстро теряла гражданскую доблесть и потому как бы раздражалась вековечным призывом к ней в произведениях Беранже...

Источники

1. *Arthur Arnould*. Béranger, ses amis, ses ennemis et ses critiques.
2. *Savinien Lapointe*. Mémoires sur Béranger.
3. *Jules Janin*. Béranger et son temps.
4. *Paul Boiteau*. Vie de Béranger.
5. *A. Lamartine*. Cours familial de littérature. T. 4.
6. *Louise Colet*. Quarante-cinq lettres de Béranger et détails sur sa vie.
7. *Béranger*. Correspondance. Chansons. Ma biographie.
8. *Н. Курочкин*. Песни Беранже.
9. *Н. А. Добролюбов*. Сочинения. Т. 2.
10. *Рохау, Гейссер* и др. Истории Французской революции.

---

notes

Примечания

1

ломбарде (фр.)

Комиссия пожертвований Родине (фр.)